

Издание
Герда Кёнена и Льва Копелева
Русские и Россия глазами немцев (5-2)
2007

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ

Русские и Россия глазами немцев
Немцы и Германия глазами русских
От истоков до начала XX века

«Вуппертальский проект»
Исследования истории образов чужих
в Германии и в России
под руководством
ЛЬВА КОПЕЛЕВА

Серия А. Том 5-2

**DEUTSCHLAND
und die
RUSSISCHE REVOLUTION
1917–1924**

Herausgegeben von
GERD KOENEN und LEW KOPELEW

Wilhelm Fink Verlag
München

ГЕРМАНИЯ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917–1924

Издание
ГЕРДА КЁНЕНА и ЛЬВА КОПЕЛЕВА

Перевод с немецкого
под редакцией
ЯКОВА ДРАБКИНА

Москва
«Памятники исторической мысли»
2007

ББК 63.3(0)6
Г37

Перевод подготовлен при поддержке
Института всеобщей истории Российской Академии наук
Фонда Фридриха Эберта (Friedrich Ebert Stiftung)
Фонда Генриха Бёлля (Heinrich Böll Stiftung)
Горбачев-Фонда,
Германского Исторического Института в Москве
(Deutsches Historisches Institut)
Издательского дома «Любимая Россия»

Издано попечением
Германского исторического института (*Бернд Бонвеч*)
Фонда Фридриха Эберта (*Маттес Бубе*)
Издательского дома «Любимая Россия» (*Илья Урилов*)

Издательский совет:
Бернд Бонвеч, Александр Борозняк, Маттес Бубе
Александр Галкин, Михаил Горбачев, Дагмар Герман
Яков Драбкин, Йенс Зигерт, Герд Кёнен, Карл-Хайнц Корн
Илья Урилов, Александр Чубарьян

Серия
«Западно-восточные отражения: Вуппертальский проект»
основана в 1985 г.
Том 5-2

Редакционная коллегия тома:
Александр Борозняк, Александр Галкин
Яков Драбкин (ответственный редактор)
Марианна Корчагина, Мария Орлова

Перевод с сокращениями выполнен по изданию:
Deutschland und die Russische Revolution 1917-1924 / Hrsg. Gerd Koenen und Lew Kopelew.
München: Fink Verlag, 1998. (West-östliche Spiegelungen: Reihe A; Band 5)

Г37 Германия и русская революция 1917–1924 / Изд. Герда Кёнена и Льва Копелева / Пер. с нем. под ред. Я. Драбкина. Т. 5-2. Москва: Памятники исторической мысли, 2007. 383 с. (Западно-восточные отражения: «Вуппертальский проект»: Исследования истории образов чужих в Германии и в России. Серия А, Т. 5-2)

ISBN 5- 88451-215-3

Издательство «Памятники исторической мысли»
115597 Россия Москва, ул. Воронежская, 38–334

ISBN 5- 88451-215-3

© General copyright by Wilhelm Fink Verlag, 1998
© Коллектив переводчиков под руководством
Я.С. Драбкина, перевод с немецкого, 2007
© Послесловие к русскому изданию, Я.С. Драбкин, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Райнер Марведель
Ленин как «Бисмарк»
Русские расчеты Максимилиана Гардена 399
Перевод: Людмила Томас

Вальтер Фендерс
Между эстетическим и политическим авангардом
Франц Юнг и его путешествия в Россию 419
Перевод: Константин Цимбаев

Михаил Рорвассер
Спасительная Россия
Пробуждение молодого Йоханнеса Р.Бехера 442
Перевод: Мария Орлова

Кароль Зауэрланд
От Достоевского к Ленину
Георг Лукач и Эрнст Блох: начало дискуссий о русской революции 461
Перевод: Александр Борозняк

Константин Азадовский
«Взгляд в хаос»
Достоевский и Россия глазами Германа Гессе 473

Арон Й. Коэн
Революция и эмансипация
Образы русской женщины в германском обществе 497
Перевод: Марина Ройтер

III. ВСТРЕЧИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Герд Кёнен
«Индия в тумане»
Первые поездки в «новую Россию». Девять моделей восприятия 525
Перевод: Марианна Корчагина

Эдгар Лерш
Помощь голодающим и восточноевропейская тема
«Друзья новой России» в Германии 585
Перевод: Мария Кабанова

Фритц Мирау
Ветер с Кавказа
Русские в Берлине. Встречи и отчуждения 610
Перевод: Кирилл Левинсон

Оксана Булгакова
Царь Иван, Раскольников, красные матросы
Русские «волны» в немецком кино 640
Перевод: Людмила Томас

Владимир Колязин
Русский театр как символ веры в эпоху революции
Ранние отклики немецких путешественников
о новом русском театре и начале гастрольного бума 664

Марина Дмитриева-Эйнхорн
Между футуризмом и Баухаузом
Искусство революции и революция в искусстве 687
Перевод: Александр Борозняк

IV. ВСМАТРИВАЯСЬ В СЕБЯ И ГЛЯДЯ НА МИР

Герд Кёнен
Образы мифических мастеров
О восприятии русской литературы в Германии
после Первой мировой войны и революции 701
Перевод: Людмила Томас

Карл Шлёгель
Археология тотального господства
Российский горизонт Ханны Арендт 721
Перевод: Людмила Томас

Лев Копелев
Вопросы остаются 733

Русские и немцы – враги?
(вместо послесловия) (Яков Драбкин) 753

Указатель имен 771

Райнер Марведель

Ленин как «Бисмарк»

Русские расчеты Максимилиана Гардена

Превращение Максимилиана Гардена во влиятельного политического публициста эры Вильгельма II напоминало немецко-еврейскую сказку, историю актера, сменившего амплуа, основавшего журнал «Die Zukunft» и притом оставшегося актером, всеведущим комедиантом, обладающим чувством рампы, успех которого был основан на подчас поразительном знании материала, а орнаментальный стиль уже тогда с трудом воспринимался многими.

Его статьи служили ориентиром для общественного мнения вильгельмовской эпохи. Своими историко-политическими работами Гарден развлекал и поучал ведущие круги экономики и бюрократии, культуры и юстиции. Но беседы с ушедшим в отставку канцлером Бисмарком основательно изменили представления Гардена о примате внешней политики и о социально-консервативной стратегии интеграции.

Бисмарк был живым доказательством веры Гардена в нерушимость неординарной личности, в ее созидательную силу. «Men, not measures» («Человек, а не орудие». – *англ.*) – этому кредо Гарден оставался верен, невзирая на все политические перипетии. В этом проявилась самоуверенность еврейского изгоя, который своим талантом, трудом и мужеством пробился в высшие круги немецкого общества и иногда зарабатывал своим журналом и охотно посещаемыми публикой общественными выступлениями во много раз больше, чем получал министр.

Журналистский инстинкт Гардена и театрализованное самовыражение были составными частями его публичных успехов, явным доказательством тезиса об исторической значимости великой личности.

Гарден добился в вильгельмовской империи устрашающего влияния на общественное мнение. Все его атаки против склонного к театральным эффектам кайзера служили задаче замены легкомысленного империализма неформальной завоевательной стратегией, не исключавшей нанесения сильных военных ударов.

Максимилиан Гарден.
Рисунок Эмиля Орлика, 20-е годы

Планы Вильгельма о сохранении собственных позиций не предусматривали технократической завоевательной политики. Поэтому мужественного Гардена пытались заставить замолчать с помощью процессов об оскорблении величества и арестов.

В истории России и в ее литературе Гарден давно уже хорошо разобрался и еще в конце 80-х гг. публиковал политические статьи в проправительственном журнале «Новое время» и немецкоязычной «St. Petersburger Zeitung». Курсировал слух, что русское правительство платило ему за его дружественные статьи, но он хотел способствовать интересам прусских помещиков, видевших в отсталой России приемлемую для них модель общества. В 90-е годы Гарден был сторонником германского аграрного государства, которое стремилось поддерживать добрые отношения с Россией на базе договора о перестраховке. Быстрая индустриализация России в конце века, которую Гарден приписывал русскому министру финансов Витте, рассматривалась в Германии как серьезная угроза ее промышленному господству¹. Покушения террористов представлялись в сравнении с процветанием русской промышленности частным явлением. Гарден знал из некоторых прочитанных им работ Маркса, что развитие производительных сил порождает новые общественные производственные отношения, так что русской автократии

¹ Rathenau W., Harden M. Briefwechsel 1897–1920. München; Heidelberg, 1983.

грозит не путчизм, а динамика капиталистической модернизации и вынужденная ею парламентаризация общественной жизни.

В долгий межреволюционный период 1905–1917 гг. Гарден изображал обе главные фигуры этой политико-индустриальной драмы в виде неких представителей двух систем: как Николай II, так и Вильгельм II не проявили в своих действиях политической решимости, были непредсказуемыми и слабыми, стали бременем для будущего обоих государств. Но борьба Гардена против этих автократов была не борьбой за политическую общественность, а за господство элиты, готовой на все и трезво оценивающей положение на мировом рынке и в мировой политике.

Русская душа и национальное единство

В глазах западной общественности Российская империя была отсталым, даже варварским государством, и для наблюдателей из всех какая-нибудь революция покончит с этой неопределенностью. Гарден разделял это мнение, но хотел помешать проникновению в русскую систему западно-либеральных идей, ибо это стало бы серьезной опасностью для германской позиции. Поэтому ему надо было усиливать впечатление, что русское население еще не созрело для буржуазно-либеральной государственности. И он сконструировал между бесформенными массами и патриархальным Мономахом, византийским автократом дихотомию, преодоление которой может длиться много десятилетий².

Длившееся столетия угнетение создали из русского народа едва ли способный к изменению массовый тип: русскую душу, мечтающую в полудремоте, без сильной политической воли, неспособной к деятельной жизни, хотя и наделенной многими добрыми намерениями, но с ограниченным талантом исполнения, и притом всегда погруженной в глубокую меланхолию³.

Гарден заимствовал сведения об этом из русских романов и исторических работ. Читать и говорить по-русски он не умел и вместо того рассказывал своим читателям истории о диком похмелье неустойчивых славянских душ⁴. В духе фривольного фельетонизма он после разгрома революции 1905 г. писал об убитых:

В этих бедных душах то вспыхивал огонь, то после короткого света снова гас во тьме... И, похоже, что славянин, давно уже раб, разучился искусству, в котором давно был мастером, искусству без стонів умирать за какое-нибудь дело⁵.

² «Die Zukunft», Nr.5 (1893). Далее: Z, Nr. и год издания; «Monomachen» Z, Nr. 9 (1894).

³ Ilja von Murom. Z, Nr.39 (1902).

⁴ Sankt Nikolaus. Z, Nr.50 (1905).

⁵ Bluff. Z, Nr.52 (1905).

Поездки Гардена на «просторы русских душ» – это литературные экскурсии, а знание Достоевского выдавалось за познание коллективной психологии России:

Кто знает Достоевского,... тот знает Россию, людей и страну основательнее, чем тот, кто глазами холодного разума проезжает через эту страну, этот холодный Восток... Беда немца в том, что он не психолог и охотнее всего считает себя самого нормой всех двуногих существ, что заслоняет от него то, что русский духовный орган работает иначе, чем его собственный⁶.

«Душевный схематизм» Гардена должен был и после 1917 г. нести ответственность за навечно расколотую русскую душу. Вместо чтения русских газет и научных журналов Гарден довольствуется ссылками на Достоевского для опровержения политических изменений аргументами ментально-историческими и антропологическими. Октябрьская революция ничего не изменила в русской душе и потому Гарден снова хватается за роман Достоевского, чтобы продемонстрировать неизменный опыт русской истории:

Вы думаете, что изменение законов, порядка вещей, прав собственности, фасада и внутренней обстановки может изменить врожденную, унаследованную, воспитанную суть народа?.. Карамазовы... должны за четыре года превратиться в надежные, усердно вращающиеся колесики машины? Этого не случится и через сорок лет. По сути дела Россия осталась, какой она была. Неизменной. Неизменяемой⁷.

Модернизация обломовщины

Русская политика Гардена между 1905 и 1917 гг. оправдывает анахронистский строй царского режима. Ставшая неотвратимой технически-индустриальная модернизация, нашедшая выражение в программе индустриализации Витте, – технократе модернизации, не решившемся посягнуть на существовавшую систему, рассматривается как предвидение и угроза. А статья о бюрократическом рационалисте Витте, вынудившем царя издать Октябрьский манифест, который на деле несколько не угрожал автократии, эффективно заканчивается замаскированным под похвалу разоблачением: он-де и есть «организатор русской революции»⁸. Гарден согласен с русским монархистом в неприятии конституции и парламента – буржуазных учреждений, заклеянных им как ворота для презренной западной цивилизации. Только политика индустриализации и тем самым подключение к стандарту европейских и амери-

⁶ Vorwort, Z, Nr.93 (1915).

⁷ Der achte Kreuzzug. Z, 114 (1921).

⁸ Witte. Z, Nr.44 (1903).

канского обществ могла-де спасти царский режим, но было ошибкой полагать, что можно на долгое время соединить капиталистическую экономику с автократической системой управления.

К счастью, большинство крестьян не интересуется политикой и молится богоматери, а потому нет оснований уступать требованиям ориентированного на реформы меньшинства русского общества⁹. Политические условия возможно варварские, но они удовлетворяют русские массы, ибо образ их жизни все еще соответствует автократической форме господства: «Но только автократия должна быть разумной и сильной». Самосохранение власти сильного правителя и в России и в Германии – вот центральная тема Гардена, который считал, что в обеих странах «борьба идет за имперский меч, а не за свободу и человеческое достоинство»¹⁰. Лишь тонкий слой образованных требует в азиатской стране основных политических прав. «Конституция? Почему бы и нет? Это, наконец, нечто новое, преодоление скуки русской зимы». Даже кровавые репрессии царского полицейского государства в революции 1905 г. для Гардена не более чем публичные игры интеллигенции. А разгром Думы он приветствует как давно созревшую акцию сильного царя. Парламентарии же это «безбожные попы этики», угрожающие целостности империи. О парламенте и его влиянии на общественную жизнь России они рассуждают наивно:

Разве можно управлять огромной империей, в которой отсутствует национальное, религиозное и экономическое единства по принимаемым центром общим для всей страны законам?¹¹

Русский парламент работал бы тогда как центростремительная машина, разрывающая народные силы империи... Европеец не подозревает, сколь малы в Российской империи центростремительные силы... Национальная беда России скрыта, сколь возможно, от чужих взглядов. Парламент и любой режим, который дал бы свободу действия общественному мнению, быстро сделал бы очевидной эту беду¹².

Капиталистическая модернизация без прав демократического участия и политической гласности, с секретностью как мотивом законотворчества при преодолении общественных кризисов и конфликтов. Ущербная парламентская действительность России никогда не станет чем-то большим, чем «псевдоконституционализмом» (Макс Вебер). Так и берлинский рейхстаг, зависящий от непредсказуемых амбиций кайзера и его претензий на мировое господство, никогда не был ничем иным как безхозяйственным «псев-

⁹ Der Zarewitsch. Z, Nr. 48, (1904).

¹⁰ Die russische Revolution. Z, Nr.50 (1905).

¹¹ Nikolaiten. Z, Nr.56 (1906).

¹² Der russische Reichstag. Z, Nr.50 (1905).

доимпериализмом»¹³. Гарден не хотел признать, что слияние индустриальной модернизации с реакционным политическим планом должно было бы вскоре привести к едва ли контролируемому развитию.

Большевистский апокалипсис

Революция весной 1917 г. в России все же вынудила Гардена пересмотреть свою прежнюю позицию. Теперь он прямо настаивает на парламентаризации для спасения последних остатков государственности. Вопреки очевидности Гарден теперь утверждает, что он всегда требовал парламента. Россия имеет право на собственный общественный голос, театральная конструкция «центрифугальной машины» исчезает в складе пропагандистской бутафории, кадетов изображают серьезными политическими представителями. Любовь Гардена к историческим анекдотам и стилю журналистского репортажа проявилась в трехчастной серии о французской революции. По цензурным соображениям он рассказывает о погибающем мире французской аристократии¹⁴.

Предстоящая трансформация русского государства выходит за пределы страны:

Первый подземный толчок русской революции стал серьезным испытанием для германской политики. Человечество станет богаче, если русский народ поставит себя ему на службу и обиталище мрачного царизма превратится в просторное светлое жилище свободных, радостно созидających людей¹⁵.

Называя коммунизм сельской общины (мира) прогрессивной общественной формой, Гарден снова возвращается к старому представлению об аграрном благоденствии, становится в ряды славянофилов и монархистов, отгородившихся от индустриализации и разделения политических властей. Гарден рисует свой автопортрет консервативного бунтаря, выражающего будто бы образ мыслей всего сельского населения, «Название "революционный консерватизм" было придумано специально для русского крестьянина»¹⁶.

В сравнении с Советами Дума предстает как учреждение, которое надо защитить, но подходящего для этого царя еще надо найти. «Что будет без царя-папы... в безголовой, безвластной демо-

¹³ Hellige H.D. Rathenau und Harden in der Gesellschaft des Deutschen Kaiserreichs // Hellige (Hrsg): Walther Rathenau – Maximilian Harden. Briefwechsel 1897–1920. München; Heidelberg, 1983. S.166.

¹⁴ Wie eine Welt stirbt. Z, Nr.98 (1917).

¹⁵ Zwischen zwei Zaren. Ibid .

¹⁶ Für die bessere Welt. Z, Nr.99 (1917).

кратии?» Апокалиптические звуки сопровождают гарденовскую мелодраму вечного равенства до края самой глубокой из всех известных пропастей русской души, которая переживает гибель как выражение коллективного «я»: «Россия снова далеко высовывается за край самой глубокой пропасти». Мужик – социальная основа старого господствующего режима, и снова Гарден надеется на ограниченную модернизацию, на ревизию социальных факторов, надеется, что крестьяне еще раз вернуться к старому, что консерватизм окажется сильнее, чем их стремление к обновлению¹⁷.

В декабре 1917 г. он возвращается к прошедшим событиям, но мы мало узнаем о боях и о политических фракциях, еще менее о революции как о социологическом явлении. Его краткая история русского социализма – это повествование о главных идеологах революции. Гардену гораздо важнее установить тот момент, до которого русские революционеры могли рассчитывать на понимание у немцев; после Александра Герцена никто больше не мог остаться справедливым по отношению к немцам. Признается просветительская деятельность Плеханова и Струве в России; впервые появляется Ленин.

Политик по вкусу Гардена является на политической сцене с единственной целью, которую он безусловно принимает: это – власть. Ленин держит в узде апокалиптических коней, однако не ясно, чем кончится скачка тройки¹⁸. Конкретный новый порядок лучше, чем полное отсутствие порядка: разложения царизма или терроризма местных властей. Гарден на стороне большевизма как новой власти порядка, но он не сторонник новой политической формы¹⁹. В январе 1918 г. он размышляет об удержании этой власти порядка, при которой Россия «не согласиться ни вечно носить красную ливрею господина Ленина, ни подвергнуться распаду на карликовые коммунистические общества»²⁰. Он ссылается на Маркса, чтобы доказать преждевременность революции, поскольку аграрное общество не может одним прыжком достичь экономики коммунизма²¹. Гарден признает вновь созданные реальности и ищет внешнеполитические гарантии нового положения. «Германской политике и экономике необходимы в качестве союзника и рынка великая, сильная единством Россия, а не новые Балканы»²².

¹⁷ Der Traum von Stockholm. Ibid.

¹⁸ Das fahle Pferd. Z, Nr.110 (1917).

¹⁹ Этого не учитывает Веллер, приписывающий Гардену «положительное отношение к коммунизму и мечтательность». Z, Nr.100 (1918)

²⁰ Was wir brauchen. Ibid.

²¹ Brest-Litovsk. Ibid.

²² Was wir brauchen. Ibid.

В последующие месяцы 1918 г. Гарден документирует речи Ленина и Каменева²³, публикует историческую панораму цитат из времен потерпевшей поражение германской революции 1848 г. Актуальная параллель гласит: на повестке дня в национальном и международном масштабе стоит упорядочение права на собственность²⁴. Пространную статью в честь столетия Карла Маркса Гарден использует как декорацию для оправдания действий великой творческой личности и как призыв к созданию стратегии спасения немецкой политики от русской судьбы. Это – требование, обращенное к пока еще господствующим кругам, мобилизовать свой классовый инстинкт:

Радуйтесь или печальтесь: любой исход войны принесет явное убеждение, что Германией может управлять только воля народа. Уже сегодня широкая демократическая программа нашла бы несметное число сторонников... Кто вовремя даст необходимое, тот избегнет видимости недостойного принуждения... Осадное положение облегчит правителям перестройку оснований государства... Каждое правительство, опирающееся на устаревшие привилегии, само уничтожает основу своего права на существование; служителей одной касты может смести с постов первый же порыв ветра²⁵.

Самосохранение и национальные рамки

Таков урок, который Гарден извлек из событий Октябрьской революции, и теперь предлагает цепляющемуся за власть немецкому режиму в качестве спасительной программы. Еще в октябре 1918 г. он надеялся сохранить жизнь прогнившей германской монархии и телеграфировал своему смертельному врагу Вильгельму II, что тому следует «не просто декларировать широкую, не раздробленную на части реформу прав народа, а быстро осуществить ее»²⁶.

Любая политика модернизации имеет целью самосохранение, любое неуважение к ней ведет к утрате всей политической власти²⁷. Так, конституционное государство в России перестало быть просто «центробежной машиной», ибо политическая неизбежность не допускала больше иного пути (даже для эволюции этой формы не оставалось времени). По Гардену из этого не следовала, однако, необходимость создания дискутирующего общества. Его интересовали не противоречия и битвы внутри новой формы общества, а только национальное самосохранение и личная скоба –

²⁴ Diplomatarium. Ibidem.

²⁵ Achtundvierzig. Ibid.

²⁶ Nikodemos. Ibid.

²⁷ Nach 30 Jahren. Z; Nr. 118 (1922).

выдающаяся голова, гениальный государственный деятель. И Гарден нашел, наконец, своего *нового Бисмарка* в Ленине.

Всякий революционер после победы революции ослабляет методы и цели, ибо волей-неволей на первый план выдвигается исключительно гарантия прочной власти. Разрушительное искусство переворота сменяется «желанием подняться из болота подстрекателей повыше – на пригорок где сидят государственные мужи, обладающие широким кругозором и искусством предвидения»²⁸. Ленин как раз такой революционный государственный деятель, который может, если это необходимо, отказаться ради экономического или политического успеха от программы и идеологии. Однако Гарден отмечает также и тяжелое поражение, которое вызвало в общественном мнении, убийство царской семьи – «дело грязных убийц, показавшее миру... истинное обличье этих спасителей человечества». Под впечатлением этого известия, Гарден пишет, что при последнем царе за восемь лет не было стольких ужасов и бед, как за восемь месяцев при Ленине, когда Россию залило «море крови»²⁹. Но полгода спустя эти бесчинства были приписаны самому царю:

Вся ситуация, со всеми ее пятнами и недостатками и наполовину не так безнравственна, не столь ужасна, как то, что столетиями творили царизм и чудовищное соединение мрачного господства монгольских ханов с гниющей византийской империей³⁰.

Гарден старается разоблачить представителей тех общественных классов, которые из властных побуждений пытались создать союз революционной интеллигенции с политической властью России. Этот союз оживил также и властные фантазии Гардена, хотя он никак не обладал такой же возможностью принятия решений, какую имели немецкие министры, а вынужден был довольствоваться только ролью советчиков, утративших к тому же в это время позиции выразителей общественного мнения³¹.

Технологические революции устойчивее революций социальных. Такое сомнительное представление Гарден переносит и на политику русских революционеров, и на бурную стремительность действий большевиков, на динамизм технической модернизации, но также на мужицкую страну, как почву этой новой политики, и на Ленина, как политического синтезатора этих противоречивых тенденций. Из «фанатизмов 1917 г.» был создан государственный строй, у которого за граница может многое узнать о «будущем

²⁸ Der Weg nach Mirgorod. Z, Nr. 110 (1920).

²⁹ Der neue Glaube. Z, Nr. 101 (1918).

³⁰ Der Wille zum Recht. Z, Nr. 102 (1918).

³¹ Wenn ich Harding wäre. Z, Nr. 112 (1921).

строе имущественного права», но еще больше о «нравственной структуре»³².

На газетные сообщения о конце русского эксперимента Гарден отвечал, «что коммунизм это образ жизни, свойственный лишь ее (России) части света». Но это не должно мешать здравомыслящим «восхищаться проделанной там работой по корчеванию и культивированию почвы, напротив, надо пожелать им беспрепятственно продолжать ее»³³.

К неизбежным расходам на устранение неполадок Гарден причисляет и детские болезни новой социальной системы, ибо признает, что новая правящая элита больше заинтересована в мирном существовании и торговле с другими странами, чем в перманентной культурной революции и в освобождении всех народов.

На рубеже веков Гарден хвалил «дисциплинирующую подготовительную работу» германской социал-демократии, без которой нельзя было бы достигнуть индустриального подъема³⁴. Его требование создать корпорацию элиты, преобразовав первоначальную идею парламентаризма в корпоративизм, усиливается после возникновения Советов³⁵. Интеграция германского рабочего движения в государственную систему была потому столь успешной, что организации рабочего движения сами руководили этим процессом социального подчинения³⁶. «Революция должна оставаться средством разумного преобразования, а не стать самоцелью»³⁷.

Гарден был вполне способен к такой стилистической простоте: в этой фразе о Ноябрьской революции он резюмировал опыт революционных событий в его жизни публициста. Русская революция лишь тогда пришла к успешному завершению, когда «в России исчезло большинство признаков коммунизма, а 95% частной собственности, будто бы “национализированной“, оказались в руках крестьян: денежные потоки, ремесленные предприятия, торговля, банки, биржа»³⁸.

Но ни одна страна не может вести хозяйство в одиночку, русская экономика должна была искать связи с Германией и тем самым стала неизбежной «эволюция большевизма», как экономического рынка сбыта и политического союзника против США и Великобритании, как европейского объединения Запада и Востока.

³² Der Wille zur Macht. Z, Nr. 102 (1918).

³³ Der neue Monarch. Z, Nr. 111 (1920).

³⁴ Von Bel zu Babel. Z Nr. 112. Fieberfest Z Nr. 104 (1919) Fieberfest Z Nr. 104 (1919)-2 (1921).

³⁵ См. Hellige, S.271.

³⁶ Ibid. S. 129132.

³⁷ Ibid. S. 415.

³⁸ Tote begraben Tote. Z, Nr. 115 (1921), S. 215–224.

Душа и дело

Уже в 1900 г. Гарден пророчил, что Россия еще до 1930 г. станет экспортирующей мировой державой³⁹. Но формой экономической кооперации России и Германии до 1914 г. были отношения подчинения, контроля и господства на рынке. Это ни для кого не было секретом, прежде всего для Гардена: «Нам нужны... огромные открытые территории, где покупают наши товары по приличным ценам. Иначе мы станем карликом»⁴⁰. Нам нужно содействовать развитию России, чтобы она имела достаточную способность покупать товары, производимые вне ее. Ибо если потерпит крах этот мировой должник и потребитель, он увлечет за собой в ледяную могилу самые прочные крепости капитализма⁴¹.

Надо согласиться с ограниченной политической реформой русских учреждений. Гарден не испытывает угрызений из-за отказа от старых традиций господства. «Весь политический хлам за борт! Расширенная свобода печати и администрация в духе средне-европейского денежного хозяйства». Гарден – технократ модернизации, экономическая гегемония Германии составляет основу этих его расчетов. По ним царская империя сможет, но только никак не менее столетия спустя, подумать о том, чтобы потягаться на арене мировой экономики с Германией и США⁴².

С 1917 г. Гарден предлагает себя в качестве толмача между двумя дружественными нациями, которые как следует не знают друг друга. Народы знакомятся быстро, и лишь правительства виновны в разрывах коммуникаций. Для Гардена базис соглашения создают родство душ и рыночные отношения. Национализм стал вреден делу, а международное планирование – законом будущего. Уважение к другой общественной системе должно стать руководящей нитью внешней политики, а никак не аннексия, и вмешательство во внутренние дела другого: Германия не может рассчитывать на Ближнем Востоке ни на большую удачу, ни на более дружественное соседство, ни на лучший рынок⁴³.

После установления в России в 1917 г. новой власти Гарден предостерегает от импорта большевизма в германскую политику. Заражение большевистским бациллами для него – проблема гигиенической безопасности, и когда в Германии началась революция Гарден заклеил русского предшественника «восстания рабов» как «мятежа батраков, понятного только в условиях русского пе-

³⁹ Endosmometer. Z, Nr.117 (1922).

⁴⁰ Hellige, S. 141.

⁴¹ Ibid. S. 139.

⁴² Der Krieg. Z, Nr. 46 (1904).

⁴³ Post Festum. Z, Nr. 51 (1905).

щерного зловония. Надо ли нам еще ниже кланяться в подражании ему?»⁴⁴. Встав в позу возмущенного, Гарден спрашивает немецкого бюргера, действительно ли он хочет педантично подражать тому, что случилось в Петербурге и Москве⁴⁵.

Когда Карл Радек стал на какое-то время пленником германского правительства в тюрьме Берлин–Моабит, этого видного представителя Коминтерна посетили там и Ратенау, и Гарден. Последний предчувствовал публицистическую сенсацию и смог получить у Радека, который тоже был весьма самодовольным журналистом, статью «Германия и Россия». В тоне немецкого буржуазнохозяйственника Радек не без кокетства пытался убедить читателя в безобидности русской революции и необходимости экономической кооперации⁴⁶.

Такой экономический прагматизм был присущ концепции самого Гардена, ибо был прагматизмом власти и казалось вовсе пренебрегал, по меньшей мере на время, идеологическими приставками. Два года спустя после этой политической акции, привлекая к себе внимание общественности, Гарден, по случаю нового посещения Радеком Берлина, заговорил об изменившихся и все же сохранившихся обстоятельствах:

Статью, побудившую крупных американских промышленников отправиться в Россию, господин Радек написал в тюрьме на Лертерштрассе. Туда его бросили по приказу правительства, над которым стоял господин Эберт... Храбрые эбертовцы ни за что не хотели тогда никаких контактов с красной Россией... Теперь Радек снова оказался в Берлине. Охранники с Лертерштрассе напрасно искали у Мефистофеля из Советии копыта и пару воронов... Чисто выбритый, без рыжих выющихся бакенбард, обрамлявших бледное, одухотворенное лицо с семитской головой, которую безобразили только слишком толстые и широкие губы, хорошо одетый, в роговых очках на сверкающих глазах мечтателя... Но он бывал и в ведомственных канцеляриях и в бюро глав отдела В-10. Тамошние господа находили его «поразительно интересным», а дамы «просто восхитительным». Он стал январской модой... вел переговоры с промышленными и банковскими воротилами, министрами, государственными секретарями, не отказался бы даже посетить господина Эберта... и добился-таки эффекта, напевая «Фигаро здесь, Фигаро там»⁴⁷.

⁴⁴ Freundschaft in Freiheit. Z, Nr. 102 (1918):

⁴⁵ Hüte Dich, Berlin! Z, Nr.104 (1919).

⁴⁶ Fieberfest. Ibid.

⁴⁷ Radek K. Deutschland und Rußland. Z, Nr. 108 (1920).

Германское «АО Европа» и восточноевропейская сфера власти

Летом 1919 г. Гарден начинает серию статей, в которых призывает оказать новой России, ослабленной войной, международную экономическую помощь. Интернациональный деловой трест должен мобилизовать техническую и практическую интеллигенцию на работу по восстановлению хозяйства без притязаний на выгоду, получаемую в колониальных странах. Гарден пытается избавить немецких капиталистов от страха перед большевистским Неизвестным, выводя коммунизм из древнего учения Платона и подчеркивая экспериментальный характер нового строя. Но прежде всего он напоминает о конкуренции США, которая скоро себя проявит⁴⁸. Форма правления не столь уж важна, да и она внутреннее дело русских. «А Россия остается Россией.., важным для нас соседом.., и, если мы ей поможем, то наше благосостояние возрастет». Однако правителям Германии не ясно,

что без обширного, достижимого по суше, а значит, восточного рынка труда и сбыта экономика Германии оскудеет, попадет в кабальную зависимость, вынуждена будет служить странам Запада в роли пролетария или в лучшем случае подмастерья⁴⁹.

Гарден неумолимо публикует призывы к международной экономической помощи и созданию европейского экономического сообщества⁵⁰, которое позволило бы вести германскую политику экспансии без применения военных средств. Немцам посчастливилось, что от них требуется только отеческая рука: «Эту часть света нам не нужно отнимать у других: она сама взирает на нас, беспомощная, дрожащая, как нагой новорожденный...»⁵¹.

Способность международного капитализма к возрождению – несомненный факт и западноевропейские концерны должны настроить свою деловую политику на Европу без границ, на Соединенные штаты Европы. Тогда откроется путь к управлению «континентом, как сферой власти одного акционерного общества». Это грозит, правда, созданием гигантской корпорации, от успеха которой получит огромный куш армия работников физического труда, но останется еще и немалая прибыль⁵². Из соединения русской души и немецкого капитала, из Обломова и Михеля, может сложиться единая международная хозяйственная и духовная общность:

⁴⁸ Genua ist die Spindel. Z, Nr. 116 (1922).

⁴⁹ Zu neuen Ufern. Z, Nr. 106 (1919).

⁵⁰ Das Nebelhorn ruft. Z, Nr. 111 (1920).

⁵¹ Pilgernde Könige. Z, Nr. 112 (1921).

⁵² Wenn ich Harding wäre. Ibid.

Страница журнала “Die Zukunft”

Россия имеет человеческий материал, но не экономические предпосылки той революции, к которой стремился Ленин. (Германия возможно имеет предпосылки и технический индустриальный аппарат, но явно не подходящий человеческий материал. Обе страны, этого надо теперь опасаться, не имеют еще таких народов, для которых свободная жизнь была бы непреодолимой потребностью, а обладание полной свободой позволило бы добиться наибольших свершений). Россия – страна крестьянская⁵³.

Немецкий рабочий приучен к дисциплине своими профсоюзами, а русский «с незапамятных времен привык к суровой батрацкой нужде»⁵⁴. Теперь дело в сопоставимости индустриальной дисциплины в обеих странах, из которых в одной, остающейся крестьянской, господствует непредсказуемая русская душа. Как государство, так и люди в России, в конечном счете целиком зависят от производственного и организаторского опыта Германии. «Россия не может обойтись без техники и человеческого материала Германии, Обломов без неудобно придирчивого немецкого управляющего»⁵⁵.

⁵³ Das Zweite Gesicht. Ibid.

⁵⁴ Der achte Kreuzzug. Z, Nr. 114 (1921).

⁵⁵ Die Windblume bl,ht. Z, Nr.113 (1921).

Когда в России люди умирали от охватившего всю страну голода, имя Гардена появилось в марте 1921 г. под списком членов «Союза друзей Международной рабочей помощи» – одной из многих организаций помощи, которые, несмотря на огромные старания и успехи, не смогли помешать гибели более 5 миллионов людей. В драматическом тоне описывая продовольственное положение России, Гарден сожалеет, что в Германии его призывы не были услышаны.

Как же выглядит Россия? Четверть городского, одна пятая сельского среднего дохода предвоенных лет. Империя, давно лишенная мелких радостей жизни, а теперь и вовсе необходимого, народ которой снова погружается в отношения, какие были до зрелости увядших азиатских городов. Летняя засуха была ужасной, зерно и картофель сгорели. На лугу, лишенном травы, стонут и хрипят гибнущий скот, обезумевшие от голода и жажды лошади. Самые плодородные поля Сибири опустошены тучами саранчи. Из областей, избежавших жары и голода, невозможно вывезти достаточного количества продовольствия, т.к. разрушены все пути, заржавели паровозы, вагоны не разыскать на мертвых рельсах. Возврат к нужде времен великого переселения народов. В движение пришли миллионы серо-бурых людей в завшивленных лохмотьях и обносках, озверевших бродяг, мешающих в кашу из коры поджаренных лягушек, жаб и мышей, грызущих как лакомство ляжки крыс, а завтра могущих преодолеть отвращение к мясу человека. В больших городах горы незахороненных трупов жертв холеры, в деревнях и на сельских дорогах они гниют без числа. Массовая гибель, какую мы знаем только из откровений Иоанна, истории, извергающиеся из чрева царства мертвых и тупого хлада каменных сердец, которые невозможно проверить при свете дня. Такой монумент стыда нашего времени и ветер не скоро выветрит⁵⁶.

Реализация германско-русского экономического единства представляется отложенной надолго, ибо, по оценкам Гардена, последствия голодной катастрофы слишком велики. «Задумайтесь над тем, что нет уже той России, какой она была еще два года назад. Лишь теперь до конца разрушен весь аппарат экономики и техники»⁵⁷. Такое апокалиптическое суждение не заставляет, впрочем, Гардена забыть об угрозе конкуренции со стороны США: именно они, считал он, захватят власть в европейском акционерном обществе, выступая «и как кредитор и как главный поставщик России»⁵⁸.

«Акционерное общество Европа», управляемое Германией, было последней крупной политической мечтой в жизни Гардена,

⁵⁶ Der Falbe wiehert. Z, Nr. 116 (1922).

⁵⁷ Rausch aus dem Hurenwein. Ibid.

⁵⁸ Der Drang nach Ost. Ibid.

не бедной по части смены журналистских позиций⁵⁹. Новые планы завоевания власти должны были и после проигранной войны сделать возможным такое АО под немецким руководством. Для этого требовалось однако, «завоевать мировое доверие», без которого нельзя будет построить новую «Великую Германию»⁶⁰. Германское правительство должно было бы, сразу же после проигранной войны, снова отвоевать утрату доверия со стороны враждебного мира «мужественным признанием своей вины и ошибок»⁶¹. Главный порок ни для кого не желанной Веймарской республики, Гарден видел именно в том, что она была-де основана не на стремлении к свободе, а лишь на желании избежать банкротства, что была утрачена «нравственность германской политики» и подменена «обществом потребления», освобожденным от «благочестивого национального чувства» некоей «религией выгоды»⁶².

Поразительно, что Гарден отважился выразить возмущение «религией выгоды в обществе потребления», когда было очевидно, что его гегемонистские планы всегда были основаны прежде всего на экономической мощи, а его агитация за европейскую экономическую общность всегда оставалась связанной с представлениями о национальном господстве. Он только приспособлял ее к изменившимся условиям, отказавшись, к примеру, от пангерманистских фантазий, когда те стали подрывать авторитет Германии за рубежом и вредить ее деловой активности⁶³.

Еще во время мировой войны Гарден требовал создания «Организации европейской континентальной экономики»⁶⁴, соответствующей планам Ратенау о «Срединной Европе». Но в июне 1920 г. он предложил именно Гуго Стиннесу подготовиться к роли Рокфеллера или Бисмарка, чтобы обеспечить ведущее положение Германии в Европе. Поскольку, однако, Германия в тот момент не располагала «ни сырьем, ни финансами, ни народными ресурсами для мирового господства и гегемонии в Европе», то ей надлежало начать с «создания европейской плановой экономики» в духе косвенной германской экономической гегемонии под руководством Стиннеса⁶⁵.

⁵⁹ Diagnose. Ibid.

⁶⁰ Зависимость Гардена от конъюнктурных веяний времени, как и его «инструментально-орнаментальный» язык неоднократно отмечали его современники, указывая, что он выдерживает собственный стиль, вне зависимости от того, «выступает ли в защиту пангерманизма или большевизма, ратует ли за мировую войну или мировую революцию». Это стиль, для которого «политическая польза» – лишь мнимая помеха. См.: Kraus K. Erlösergeburttaggabe // Die Fackel, Nr.561–567 (1921).

⁶¹ Pilgernde Könige. Z; Nr.112 (1921).

⁶² Nach dreißig Jahren. Z, Nr. 118 (1922).

⁶³ Die deutsche Krankheit. Ibid.

⁶⁴ Die Eumeniden. Z, Nr.105 (1919).

⁶⁵ Ibid.

В противовес непредсказуемому империализму Вильгельма II Гарден хотел обеспечить структурный базис развития гегемониальной стратегии. В этот план входило примирение с европейскими соседями и постепенно такое наращивание экономической мощи Германии, чтобы, благодаря только ее фактической силе, она смогла одна играть роль руководителя объединенной Европы. От Ратенау Гарден знал, что неформальный долгосрочный империализм успешнее, чем более рискованный в военном смысле колониальный империализм. Так, Гарден еще в 1896 г. поддерживал политику собирания сил для создания такого преимущества Германии, которое в соответствующий момент могло бы превратиться в ее господство в «Среднеевропейской континентальной Европе»⁶⁶. России в этом плане отводилась скромная роль хорошего соседа и экономического партнера. После Октябрьской революции эта концепция должна была распространиться на европейскую перспективу: ведь Европа не могла существовать без России, как и Россия без Европы⁶⁷.

В статьях Гардена, написанных после 1917 г., нет мыслей о содействии самостоятельной русской индустриализации, напротив, наиболее часто употребляемым словом становится формула о России, как «рынке сбыта», да еще с добавлением, что на мировом рынке Россия еще долгое время не сможет стать конкурентом. Только при наличии такой оговорки Гардену нетрудно было просить о помощи для России. И в таком союзе Германия была готова защищать европейский рынок от вторжения американских концернов. Политическому же проекту об экономически самостоятельном обществе в России, по представлению Гардена, не следовало ни в коем случае способствовать.

Ленин как новый автократ

Сфера власти великогерманской империи внутри «АО Европа» требовала наличия волевых вождей, сознающих свою силу. Гардену представлялось, что он распознал в Ленине тип современного политика с прагматическим образом мышления, народного оратора, укорененного в традициях своей страны, который, видимо, способен стать ее представителем. Легитимность крупной личности, считал Гарден, основана прежде всего на его суверенной способности принимать решения и лишь потом на харизме его поведения, на искусстве символической инсценировки. Гарден заполняет много страниц своих работ историческими описаниями прежних поко-

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ibid.

лений властителей России, и в конечном счете противопоставляет две путеводные фигуры, на которые многократно ссылается: это Петр Великий и Александр III. Петровская модернизация пришла слишком рано и проводилась непригодными европейскими методами. Тем самым Петр погрузил в дремлющую русскую душу «ядро опасного дуализма»; Екатерина II вернула Россию русским; а при Александре II эра либеральных реформ лишь снова обострила дуализм. Зато Александр III был настоящим автократом, представителем «мужика». Покончив с дуализмом, он стал «истинно русским крестьянским императором»⁶⁸.

Еще в 1903 г. Гарден утверждал, что в России не было бы места для Ришелье или Бисмарка⁶⁹. Когда же Дума стала необратимым фактом, Гарден вспомнил о последнем русском автократе Александре III и стал жаловаться, что Николай II царь слабовольный, за 10 лет промотавший наследство отца, а «России жаждет хозяина»⁷⁰. Какие качества ему предстоит проявить, Гарден несколько не скрывает. Должна течь кровь, ибо иногда «более мягкие средства обуздания не создают покоя», а действующий решительно может спокойно называть себя батюшкой, «железной метлой чистящим свой дом, которому угрожает чума»⁷¹.

В декабре 1917 г. Гарден уже нашел нового крестьянского императора, который жаждет-де «коронной власти антицаря»⁷². Правда, речь Ленина на Втором конгрессе Коминтерна, «слишком деревянная и идеологическая», дала Гардену не очень-то много. Однако он понимал, что Ленин должен обслуживать своих клиентов, хотя умеет считаться с тем, что капитализм способен к приспособлению. А этого достаточно, чтобы поставить его на переднюю линию, рядом с Бисмарком⁷³.

Круг замыкался. Автобиографически, ибо Гарден нашел нового героя, и исторически, ибо свой лозунг 1906 г. «Дайте России порядок, дайте ей то, о чем она мечтает, – господина!»⁷⁴, Гарден смог в 1921 г. дополнить новым: «В России и сегодня и завтра спокойствие и порядок зовутся Ленин!»⁷⁵.

Однако в августе 1921 г. Гарден рассуждает уже об ином: о свержении Ленина или его смерти. Никто другой из политических вождей не сможет тогда спасти «больную империю от крова-

⁶⁸ *Harden M. Lenin* // Harden M. Köpfe. Bd.4. B., 1924. S.378.

⁶⁹ *Monomachen. Z.*, Nr.39 (1902).

⁷⁰ *Witte. Z.*, Nr.44 (1903).

⁷¹ *Sankt Nikolaus. Z.*, Nr.50 (1905).

⁷² *Der russische Riese. Z.*, Nr.56 (1906).

⁷³ *Das fahle Pferd. Z.*, Nr.100 (1917).

⁷⁴ *Moskowiterwall. Z.*, Nr. 110 (1917).

⁷⁵ *Nikolaiten. Z.*, Nr. 53 (1905).

вой анархии, серии диких погромов, хаотического развала⁷⁶. Полгода спустя он цитирует речь Ленина на XI съезде РКП(б) восхищен откровенностью, с какой тот без прикрас описывает положение и объясняет коммунистам многие их ошибки и слабости, выступает «как царь-батюшка который с дружеской строгостью коррит своих русских детей. Он сравним теперь не с крестьянским царем Александром III, а с Петром Великим, но без дотоле стереотипно звучавшего выговора за неверное применение модернизации. При всей его нравоучительности, считает Гарден, Ленин сохранил еще свой «инстинкт, ясное понимание людей и крестьянский юмор»⁷⁷.

На известие о болезни Ленина, Гарден отвечал, что уйдет «незаменимый». Ибо только ему могло удаться «превращение диктаторски жестокого господства клики в. крестьянский союз, способный вести мировую торговлю. Без такого посредника, предрекал Гарден, Россия развалится на воинственные мелкие государства, что ознаменует конец политического эксперимента.

Все древнерусское неудержимо тянулось в Москву, в уважаемый старый материнский дом. Лишь там большевизм чувствовал себя совсем по-домашнему... В Смольном институте он был вторгшимся, чужеродным телом... В Москве он раскрылся как азиатский социализм, здесь действовали его теория и практика, марксизм по-татарски, едва ли еще отвратительно чуждый... Только Ленин мог отважиться отдать крестьянам 9/10 всей собственности, а потом под давлением нужды пожертвовать внешним строением и всеми украшениями коммунизма... Только он смог пережить, не сдавая власти, никогда ранее не выпадавшее испытание войны, голода, эпидемий, превращения людей в хищных зверей. Находящаяся в двух частях света, раздробленная страна, с отколовшейся от большевиков ДВР, со слабо связанной с Москвой Украиной и с только силой оружия удерживаемой Грузией на юге... с опустевшими городами, необработанными пашнями, где вместо переполненных зернохранилищ 20 миллионов голодающих, раздавленная интеллигенция разметанная, опустившаяся, в лохмотьях, едва брежжущие светочи науки, без орудий даже повседневного труда, с деньгами, давно превратившимися в забавы для детей, жалкие блестящие славного русского искусства. И все же человек, несущий главную ответственность за ужасные перемены, остается всеми любимым... С Лениным большевизм умрет. Но его падение может стать еще худшей опасностью для мира, чем было его становление. Военная диктатура, распад империи на отдельные части, власть авантюристов, слепых идиотов, диких чудотворцев, кровавых погромщиков, организаторов крестовых походов, грабителей церквей, царубийц, осквернителей могил, опустошителей городов, голодных банд,

⁷⁶ Vor dem Obersten Rath. Z; Nr. 114 (1921).

⁷⁷ Orionsnebel. Ibid.

Портрет Ленина. Резьба по дереву П.Ю. Павлинова

монархических разбойных шаек, хаос. Немыслимо себе представить, что может произойти в стране таких страданий, в карамазовском собрании, если порвутся последние связи добропорядочности и ничто вокруг не осветит путь выхода⁷⁸.

Конец больших расчетов

В годы после смерти Ленина до кончины самого Гардена в 1927 г. – как дальнем следствии покушения на него префашистской организации «Консул» в 1922 г. – более не появилось его значимых статей о России. Как будто после прекращения выхода в том же году журнала «Die Zukunft» иссяк интерес и читателей, и издателя к будущему России.

Впрочем, еще в 1918 г. мнение Гардена все менее пользовалось спросом, и его стали считать пережитком умиравшей вильгельмовской эпохи. Оставаясь превосходным бойцом-одиночкой, он не смог приспособиться к агрессивным праворадикальным интеллектуалам Веймарской республики. Его русские расчеты тоже не сбылись. Вместо «Европейского АО» под германским руководством сложились совсем иные образования: воинственное нацистское государство и арена геополитических сражений.

⁷⁸ Lenins Thronrede. Z, 117 (1922).

Вальтер Фэндерс

Между эстетическим и политическим авангардом

Франц Юнг и его «Путешествия по России»

Он [Юнг] живет, как пишет, а это гораздо больше, чем писать, как живешь.

*Макс Герман-Нейссе*¹

Франц Юнг (1888–1963) с 1920 по 1923 год дважды приезжал в Советскую Россию: сперва в 1920 году он провел несколько недель при Коммунистическом Интернационале (Коминтерне), затем около двух лет работал в Международной рабочей помощи (МОПР) и участвовал в создании советской промышленности. За это время, до 1924 г., он опубликовал шесть книг о России², многие его сочинения вышли в переводе в самой России, и их постоянно обсуждала советская пресса³. Авангардистский писатель и «левый коммунист» Франц Юнг смог в эти годы лучше, чем любой другой представитель своего поколения, осмыслить развитие революции, участвуя в ней в теории и на практике, анализируя

¹ *Herrmann-Neisse M.* Franz Jung // Die neue Entscheidung. Aufsätze und Kritiken. Frankfurt a.M., 1988. S. 254.

² Для удобства читателя мы сразу их назовем: *Reise in Rußland* [Путешествие по России]. Berlin, 1920; *An die Arbeitsfront nach Sowjetrußland. Zum Produktionskampf der Klassen* [На трудовой фронт в Советскую Россию. О промышленной борьбе классов]. Berlin; Leipzig, 1922; *Hunger an der Wolga* [Голод на Волге]. Berlin, 1922; *Die Geschichte einer Fabrik* [История одной фабрики]. Wien, 1924; *Der neue Mensch im neuen Rußland. Rückblick über die erste Etappe proletarischer Erzählkunst* [Новый человек в новой России. Обзор первого этапа пролетарского писательского искусства]. Wien, 1924; *Das geistige Rußland von heute* [Духовная Россия сегодня]. Berlin, 1924. Все сочинения Юнга о России собраны в издании: *Franz Jung. Nach Rußland! Schriften zur russischen Revolution* [В Россию! Сочинения о русской революции]. Hrsg. von Lutz Schulenburg. Hamburg, 1991.

³ Русские переводы следует сразу перечислить, так как они являются важным звеном ранних советско-германских литературных связей: *Бедствующее Поволжье. Наброски и впечатления*. Пг., 1922; *Красная неделя*. М.; Пг., 1923; *Пролетарии*. Рассказ. М.; Пг., 1923; *Завоевание машин*. Роман. Л.; М., 1924; *Пролетарии*. Красная неделя. Повести. М., 1924; *Рабочий поселок*. Роман. М., 1924; *Джек Лондон как поэт рабочего класса*. Л.; М., 1925; *История одной фабрики*. Л.; М., 1925. Очевидно, существует также перевод пьесы «*Wie lange noch?*», написанной в 1921 г.

и описывая ее с политической, экономической и литературно-культурной точек зрения.

Подход Юнга характеризуется целым комплексом исходных установок: он воспринимал происходящее как коммунист, причем как левокоммунистический диссидент, имеющий собственные представления о партии и революции. Он создавал свои произведения как социалистический, пролетарский, революционный писатель, но при этом не отказывался от своих прежних воззрений в искусстве, основанных на принципах эстетического авангарда, экспрессионизма и дадаизма. И не в последнюю очередь он действовал как экономист, который хотя и изучал в университете экономику и прекрасно знал историю социалистических теорий, включая утопические, но тем не менее в Советском Союзе впервые наглядно столкнулся с экономическими проблемами, в решении которых не могли помочь ни учебники политэкономии, ни труды классиков марксизма.

При этом в своей деятельности в Советской России Юнг постоянно оглядывался на опыт немецкой революции 1918/19 г., продолжая надеяться, как и многие другие в 1920/21 г., на ее перерастание в революцию социалистическую. В своих произведениях о России он разрабатывает всеобъемлющую революционную модель, суть которой – не в «экспорте» революции, не в простом переносе принципов большевизма, а в пробуждении внутреннего революционного порыва и «пролетарского самосознания», как это именовалось в трудах Юнга и в левокоммунистической печати.

Невероятная активность, которую проявлял Юнг во всех сферах своей деятельности в России – политической, экономической, литературной, – содействуя тем самым, по его собственному убеждению, и развитию германской революции, существенно отличает его от прочих иностранцев, путешествовавших по стране. И это даже, не учитывая его практической работы на местах. Забегая вперед, следует отметить, что она основывалась на его мировоззрении, радикальность которого проистекала из теории авангардистского прогресса, практики революционного переворота и диалектики разрушения и созидания – как в искусстве, так и в политике.

Россия при этом выступала в роли своеобразного катализатора. Во время первого приезда Юнга в Россию обсуждались и решались проблемы всемирной политики Коминтерна и входящих в него партий, стратегии и тактики революционной борьбы. В свой второй – более длительный – приезд Юнг посвятил себя почти целиком политическому и экономическому строительству новой России.

Франц Юнг глазами современников

Несмотря на его многогранную деятельность Юнг не был, однако, причислен к пантеону классических друзей Советского Союза, впрочем, позднее он сам бы этому воспротивился. В ГДР его одно время даже считали ренегатом. Между тем, советские современники – функционеры, рабочие, критики – понимали и ценили его работу в России. Тому существует множество подтверждений.

В 1923 году рабочие металлургического завода «Рессора» написали письмо «дорогому тов. Юнгу, Францу Францовичу» по случаю его ухода с завода:

Всем известно, что Вы уходите не ради собственного удовольствия, а ради блага рабочего класса, ради его освобождения от ига прогнившей буржуазии. Дорогой Франц Францович, много раз ты демонстрировал мужество, пока работал с нами. Мы все любили тебя как администратора, товарища, который преодолевал с нами все трудности и недостатки, которых, к сожалению, еще много в нашей республике, но ты всегда находил выход, всегда облегчал наши трудности⁴.

В том же письме рабочие передавали привет Максиму Гёльцу, вождю восстания 1921 года в Средней Германии, близкому другу Юнга и отнюдь не «ортодоксальному» революционеру. Кроме того, письмо было датировано 9 ноября 1923 г., пятой годовщиной Ноябрьской революции в Берлине. Все это символизировало отношение русских рабочих к германской революции, которое не мог не разделять и Юнг.

Деятельность Юнга вызывала хвалебные отзывы; а в 1922 г. ему была посвящена статья, представлявшая его как организатора Комитета помощи голодающим при Коминтерне и как писателя. Насыщенная фактами, она заканчивалась необычно патетическим пожеланием, чтобы у нас было «побольше таких честных, беззаветных и героических товарищей и друзей»⁵.

Неоднократное признание политических заслуг Юнга перекликалось с подробными анализами его литературных работ. Опубликованная в 1923 году рецензия на перевод повести «Красная неделя» (1921) содержала необычное заключение:

Книжка... написана просто, без патетических речей ораторов и теоретически-агитационных рассуждений о капитализме и социализме, чем страдают многие подобные произведения.

С одобрением отмечалось, что в ней нет героев, увлекающих массу. Герой – сама масса, и действует она «не в романтически-герои-

⁴ Цит. по: *Jung F. Briefe und Prospekte 1913–1961. Dokumente eines Lebenskonzeptes.* Hrsg. S. u. F. Mierau. Hamburg, 1988, S. 112–113.

⁵ Рабочий журнал. 1922. № 1.

Портрет Франца Юнга
на деревянном рельефе.
Подарок русских рабочих

ческой обстановке, а в обычной». Автор рецензии увидел в произведении «большую жизненную правду» и рекомендовал его библиотекам⁶. Юнга награждали авангардистскими эпитетами: «художник-организатор, художник-строитель»⁷. Постоянно подчеркивались своеобразие и новаторство его сочинений. «Революционером до мозга костей» – назвал его в 1925 году русский рецензент, признав, что он «и в форме своих книжек идет собственным путем»⁸. В журнале Пролеткульта «На посту» в 1925 году критик А. Запровская выразила надежду, что автор «пойдет по этому пути и в своем дальнейшем творчестве»⁹.

В 1926 году в обзоре, посвященном «художественной прозе современной Германии», отмечалось, что Йоханнес Бехер, Курт Клебер, Берта Ласк, Эрих Мюзам и Альфонс Паке (все – видные представители складывавшегося в это время в Германии пролетарски-революционного литературного движения) «у нас до сих

⁶ Полянский В. Франц Юнг // Красная неделя. М.; Пг, 1923; Красная новь. М., 1923. № 4. С. 381. Только в 1923–1925 гг. было опубликовано свыше полутора десятков рецензий на произведения Юнга.

⁷ Гаген [Иван Иванович Анисимов]. Из современной немецкой литературы. Франц Юнг // Книгоноша. М., 1926. № 46–47. С. 3.

⁸ Фабрично-заводская профсоюзная библиотека. М., 1925. № 4. С. 7.

⁹ Запровская А. Франц Юнг // На посту. 1925. № 1. С. 236.

Обложка и иллюстрация русского издания романа Юнга (1924)

пор известны мало». Зато наиболее популярны – Эрнст Толлер и Франц Юнг: «Последний, по справедливости, может быть назван главой молодой пролетарской литературы современной Германии»¹⁰. А в 1929 году Луначарский назвал его «заслуживающим всяческого внимания»¹¹.

После изменений советской политики в сфере искусства и литературы в начале 30-тых годов перестали обсуждаться и книги Юнга. В то же время в Германии национал-социалисты включили все его сочинения в «Список вредных и нежелательных произведений». Следует добавить, что и в послевоенной ФРГ творчество эмигранта долго оставались в тени. Его автобиография, «Путь вниз» (1961) прошла почти незамеченной. Только в семидесятые годы (а в ГДР – еще позднее) постепенно начал возрождаться интерес преимущественно к литературному наследию Юнга. Его произведения о России вновь вернулись к читателю лишь в 1991 году в рамках широкомасштабного издания его сочинений, когда интерес к нему, как к политику, вывел его из забвения. Ос-

¹⁰ Куле Р. Чудодейственная проза современной Германии // Красная новь. М.; Л., 1926. № 6. С. 227.

¹¹ Цит. по: *Belentschikow V. Rußland und die deutschen Expressionisten 1910–1925. Zur Geschichte der deutsch-russischen Literaturbeziehungen. 1. Teil. Frankfurt a.M., 1993. S. 202.*

ветить главные этапы его жизненного пути, особенно связанные с российско-германскими отношениями, тем более интересно, что в имеющейся литературе до сих пор встречается множество недостоверностей.

Дадаизм плюс коммунизм

Свою статью 1917 года об убийстве Распутина в берлинском авангардистском издании «*Neue Jugend*» Юнг начал словами: «Пришло время выступить против Достоевского, который плюет немцам в мозги»:

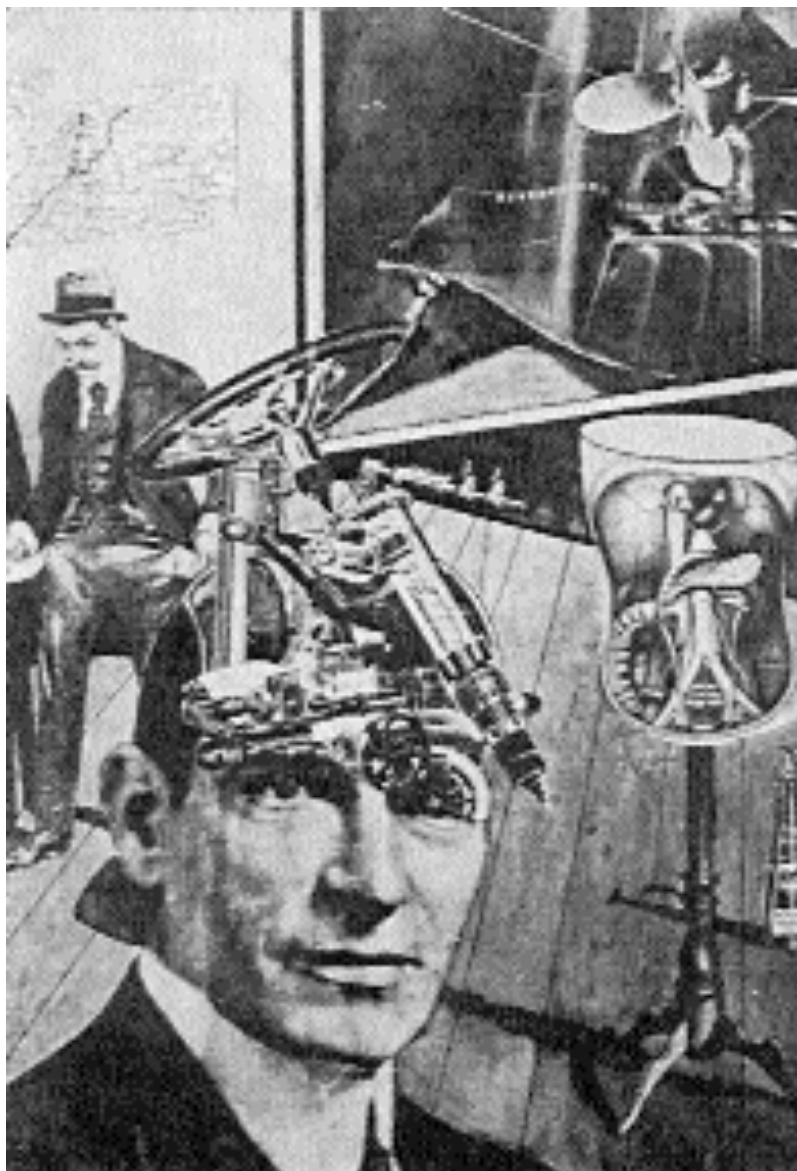
Выявление психических связей и их взаимодействия в отдельной личности не поспевает за интуицией читателя, едва только удастся всколыхнуть его чувства. Немец не станет воспринимать отношения, связующие этих людей, как нечто само собою разумеющееся¹².

В довоенное время Юнг, как и другие представители его поколения, жадно зачитывался Достоевским. Теперь же прежние образы «нового человека» померкли. Персонажи его, отвергнутые обществом, долгое время вызывали интерес и восхищение у оппозиционных писателей-экспрессионистов. Любовь к «париям» и анархистское возвеличивание «пятого сословия» – люмпен-пролетариата, дополнила резкая критика «обуржуазившегося» немецкого пролетариата, пополнявшего ряды столь же обуржуазившейся социал-демократии. В ходе войны и ближе к ее концу необычайно быстрыми темпами шел процесс радикализации молодого поколения литературной интеллигенции. Вчерашние добровольцы становились дезертирами – подобно Францу Юнгу, который в 1915 г. угодил за это в тюрьму Шпандау.

Таким образом, отход Юнга от Достоевского в 1917 г. можно трактовать и как симптом глубоких изменений, которые превращали эстетический авангард в авангард политический. Формы выражения протеста носили различный характер: воинского призыва пытались избежать, симулируя психические заболевания; иные оппозиционеры вступали в «Союз Спартака»; другие участвовали в революционных Советах или основывали собственные партии, вроде «антинациональной социалистической» Ф. Пфемферта. Некоторые интеллектуалы и художники, группировавшиеся вокруг журнала «*Die Aktion*», искали пути к компартии Германии (КПГ), основанной на рубеже 1918/19 годов.

Подобная политическая активность не мешала, впрочем, продолжению авангардистского революционного творчества. Попыт-

¹² *Jung F. Rasputin (1917) // Feinde ringsum. Prose und Aufsätze 1912 bis 1963. Hamburg, 1981. S. 176.*

Рауль Гаусман.
Tatlin at home.
1920

ки масштабного «полит-эстетического» разрушения буржуазных норм впервые достигли апогея в знаменитом «Манифесте дадаистов», подписанном в апреле 1918 года цюрихскими и берлинскими интеллигентами, среди которых был и Франц Юнг. В нем наряду с радикальным отказом от экспрессионизма («Против эстетически-этической направленности! Против бескровной абстракции экспрессионизма!»), прокламировалось создание «Клуба Дада», в который «можно вступить, не принимая на себя никаких обязательств. Здесь каждый – председатель». Окончание – «Быть против этого манифеста – значит быть дадаистом!»¹³ – подчеркивало специфическую склонность к самоотрицанию, призванному защитить искусство от неправомерного использования в личных целях.

В этой организации Юнг не был сторонним наблюдателем, что доказывает последовавшее в мае издание «Клуб Дада, проспект

¹³ Факсимиле в сборнике: *Manifeste und Proklamationen der europäischen Avantgarde (1909–1938)*. Hsg. W. Asholt, W. Fänders. Stuttgart–Weimar, 1995. S. 145–147.

издательства *Freie Straße*», выпущенное им самим, а также Раулем Гаусманом и Рихардом Хюльзенбеком – двумя виднейшими дадаистами и авангардистами. В нем был опубликован и один из лучших прозаических текстов немецкоязычного дадаизма – «Американский парад» Юнга¹⁴.

Революционный 1918-й год стал одним из самых плодотворных в литературной карьере Юнга. Вышел его роман «Прыжок за пределы мира», сборник повестей «Милостивая наша королева», а издательство «*Die Aktion*» вновь опубликовало его первое сочинение – написанную в 1912 году «Библию дураков. А в ноябре 1918 года № 9 журнала «*Freie Straße*» поместил его анонимный манифест «Против собственности»¹⁵. Никак нельзя недооценивать роли Юнга в разработке авангардистских положений дадаизма, оставивших далеко позади себя установки экспрессионизма. Прогресс в сфере эстетики протекал в социально-революционной среде, в которой Юнг, перейдя к «политическому авангарду», был особенно активен.

Так, он поддерживал нелегальную пропаганду группы «Спартак», а 9 ноября, в день провозглашения республики, участвовал в захвате телеграфного бюро Вольфа в Берлине, затем в январе 1919 года – в боях берлинских рабочих в «газетном квартале». После краткого ареста и освобождения Юнг вступил в КПП («Союз Спартака»); членом которой сам считал себя уже с 1918 года¹⁶. В последующие месяцы он был трибуном «Спартака», представителем окружного руководства, позднее и берлинского центра¹⁷.

6 февраля 1919 г. «Дадаистский Центральный Совет мировой революции» опубликовал листовку «Дадаисты против Веймара», которая хвала на митинг и мимоходом обещала «взорвать Веймар»¹⁸. Тот факт, что спартаковец и свежее испеченный член КПП Юнг тоже подписал эту листовку, не следует расценивать как случайное соседство проявлений антибуржуазной эстетики и политической активности. Ибо хотя между «Союзом Спартака» и художественным авангардом и лежала пропасть, а коммунистическая печать уже вскоре выразила свое неприятие дадаизма и авангарда в целом, нельзя игнорировать существовавшей тогда тесной внутренней связи между эстетическим и политическим авангардом.

¹⁴ *Jung F.* Feinde ringsum. S. 190–191.

¹⁵ «*Manifeste und Proklamationen*», S. 157–158.

¹⁶ Так в анкете Коминтерна, опубликованной недавно берлинским журналом «*SKLAVEN*», № 28. 1996. S.18.

¹⁷ *Jung F.* Der Torpedokäfer. Neuwied–Berlin, 1972. S. 134.

¹⁸ Факсимиле см.: «*Dada Berlin. Texte, Manifeste, Aktionen*». Hsg. K. Riha. Stuttgart, 1977, S. 44. Случайное совпадение: в тот же день в Веймаре состоялось открытие Учредительного национального собрания, впоследствии принявшего Веймарскую конституцию (*Прим. перев.*)

Короткая карьера активиста КРПГ

В гуще обострившихся революционных процессов, охвативших Германию в 1918 и 1919 годах, мелькали события, происходившие и в художественной, и в политической сферах, которые – как тогда казалось – приоткрывали для интеллигенции возможность кардинального переустройства мира и всей жизни. Некоторое время спустя Франц Юнг использовал этот опыт революционных лет в своих новых, постадаистских, литературных произведениях, а также в своей работе в России.

В 1919 году Юнг публиковал исключительно политические работы (среди них статьи «Азия как двигатель мировой революции» и «Цель и средства в классовой борьбе») в которых развивал свою концепцию общественного сознания и формулировал свое видение «ex oriente lux»¹⁹, по-прежнему оставаясь в дадаистском авангарде и поддерживая связи с представителями Коминтерна. В октябре 1919 года на Гейдельбергском съезде КППГ из партии была исключена «левая оппозиция», в том числе и Юнг. В апреле 1920 г. она оформилась в КРПГ – Коммунистическую рабочую партию Германии. В нее одно время входил и издатель журнала «Die Aktion» Франц Пфемферт. Юнг был одним из ее основателей, а учредительный съезд поручил ему вместе с гамбургским рабочим Яном Аппелем представлять партию на Втором конгрессе Коминтерна в Москве.

Самым немислимым образом, на захваченном ими небольшом пароходе, Юнг и Аппель в мае 1920 г. прибыли в Советскую Россию. Их переговоры с представителями Коминтерна – в числе прочих Юнг беседовал с Лениным, Бухариным, Зиновьевым и Радеком – оказались безрезультатными. Вдобавок возникли разногласия о роли профсоюзов и об отношении к парламентаризму. Юнг встречался и с другими советскими вождями – например, с Ландой от ВСНХ и с Кржижановским от Госплана. Кроме того, «в разговорах с Молотовым, Рыковым, Каменевым обсуждалось отношение Советского правительства к Польше»²⁰. 23 мая 1920 г. Юнг передал «в Совет Народных Комиссаров, тов. Чичерину» памятную записку о возможных задачах советского присутствия в Берлине, главным образом в сфере экономики²¹.

В отчете о поездке в Москву, отправленном партийному съезду КРПГ в июне 1920 г., Юнг и Аппель призывали партию после-

¹⁹ Свет с Востока (лат.) – (Прим. перев.)

²⁰ Mierau F. Leben und Schriften des Franz Jung. Eine Chronik // Der Torpedokäfer. Hommage à Franz Jung. Hsg. Lutz Schulenburg. Hamburg, 1988. S. 148.

²¹ Jung F. Briefe und Prospekte. S. 44–46.

довать рекомендациям Коминтерна и сохранить единство Третьего Интернационала²². Первый регулярный партийный съезд КРПГ, состоявшийся в августе 1920 года в Берлине, отклонил предложение Юнга признать «Третий Интернационал генеральным штабом международного пролетариата» и «приветствовать требуемое Третьим Интернационалом единство фронта борьбы». Кроме того, в КРПГ проявились и антисоветские тенденции, которые побудили Юнга выйти из руководства партии. 26 сентября Юнг, которого полиция разыскивала по подозрению в захвате парохода, был задержан в Берлине и пять месяцев провел за решеткой. Наконец, в октябре 1920 года в издательстве КРПГ вышел его отчет о поездке в Россию – «Путешествие по России».

Первое «Путешествие по России»

Хотя эта первая книга Юнга о России и была напечатана в партийном издательстве, это не отчет о поездке. В ней не упоминались ни Коминтерн, ни захват корабля. Юнг написал эту книгу на обратном пути, во время вынужденной задержки в одном из фьордов северной Норвегии. В этой книге – одном из первых немецких сочинений о Советской России – Юнг уже выступил как противник «снисходительной благосклонности» к жизни народа при Советах, вызванной «высокомерным отношением» к ней, ставшей объектом скептической иронии и позднее приезжавших в Россию иностранцев²³.

Чтобы правильно оценить значение Советской республики в перестройке всего мира, недостаточно изучить на месте политический и экономический аппарат социалистического государства. Недостаточно просто восхититься масштабами проделанной организаторской работы, которая в первую очередь бросается в глаза среднестатистическому европейцу, ибо тот никак не может соотнести увиденное со своими прежними представлениями о России и русском народе... Единственное, что показывают все прежние книги, посвященные началу коммунистической эпохи, – это отсталость их авторов, выходцев из буржуазной культуры, которые, будучи обремененными шлаками буржуазного воспитания и становления; с каждым своим словом все дальше удаляются от того, что они хотят описать, – если у них вообще было намерение сделать это честно и непредвзято.

Этот суровый вердикт проистекал из предвзятости (Юнг писал – «партийности» – совершенно особого рода): автор стремился

²² [Jung F. und Appel J.] Bericht der nach Rußland entsandten Delegation (Отчет отправленной в Россию делегации) // Das Exekutivkomitee der 3. Internationale und die KAPD. Berlin, 1920, S. 3–6.

²³ Далее цитаты приведены по русскому переводу книги: Jung F. Reise in Rußland // Werke. Bd. 5, S. 19–52.

не к объективному изображению и не к сочувственному описанию революционных достижений. Речь не шла и о том, чтобы «познакомиться со страной и людьми, изучить советские учреждения или сравнить социалистический государственный строй с капиталистическим». Правомерным Юнг считал вопросы: что показывают подобные книги о России? о чем они умалчивают? что приукрашивают? (При этом нельзя не вспомнить недавнюю дискуссию о книге Лиона Фейхтвангера «Москва. 1937»). Для Юнга это своего рода гордиев узел, который он тотчас же разрушает. Его методика не допускает ни мнимой аутентичности документального репортажа, ни эмоциональной восторженности или авторитарной благосклонности, ни «сомнительной пропагандистской ценности». Единственной исходной установкой он признает «почти непреодолимый разрыв между старым и новым миром». Свойственное многим путешественникам стремление увидеть в новом лучшую или даже оптимальную противоположность миру старому, становится основным импульсом путешествия Юнга по России.

Поэтому он должен определить для себя такую «пристрастность», которая не связана с позицией «за или против чего-либо», ибо подобный недialeктический тип мышления известен из работ, подменяющих критический анализ убежденностью в знании автором истины в последней инстанции. Безусловно, именно приверженность Юнга идеям левокоммунистического авангарда побудила его построить свое повествование так, чтобы, описывая пропасть, лежащую между разными мирами, держать оба этих мира в поле зрения и тем самым с позиций мира нового выступать за революционизирование старого. Так, он утверждал, что применяет «исключительно русскую шкалу, ...чтобы измерить и перепроверить состояние собственной страны, как на политическом, так и на социальном, культурном и даже личностном уровне». Относительно попыток использовать «чужой» революционный опыт исключительно для перенесения его на собственную практику Юнг писал: «Я понял, насколько немецкий пролетариат, немецкий народ еще далеки от самовоспитания на пути к пролетарской революции и созданию нового человека». И хотя Юнг сознавал, что в конечном счете его «описание новой России» лишь «пополняет охарактеризованную выше литературу», он ставил перед собой задачу «на русском примере подтолкнуть немецкий народ к мыслям о самодисциплине, единении, братстве и взаимопомощи».

Такая «пристрастность» особого рода не предлагала ни ярких примеров в качестве образцов для подражания, ни педагогических наставлений – по крайней мере, в революционной прозе Юнга этого нет – иными словами, ее суть не в создании образа положительного героя. Скорее, речь шла о проекте, подразумевавшем само-

воспитание масс и восходившем к левокоммунистической теории спонтанности масс, к идее о том, что успех революции зависит от развития самосознания пролетариата. Наконец, Юнг намекал на выдвинутый русским анархистом Кропоткиным принцип «взаимной помощи», который был хорошо известен левой экспрессионистской интеллигенции еще до войны. Таким образом, замысел «Путешествия по России» основывался на понимании революции, в корне отличном от того, которому путешествие должно было послужить, то есть от соответствующих представлений Коминтерна.

Пятнадцать глав «Путешествия» ведут читателя географически из Мурманска в Москву, через новгородские земли в Петроград, а идеологически – от «Проблемы вождя» через главу «Распад буржуазной интеллигенции», через пассаж «Кое-что о женщинах» к «Главе против немецкого рабочего». Многообразие форм изложения в отчете, содержащем повествование, обсуждение, анализ, позволяет автору свободно переходить от рассказов о Советской России, как конкретном месте переломных событий, к критике отсталости Германии и немецкого рабочего движения. Ключевым понятием отчета становится слово «темп».

«В стремительном темпе выковывается новый человек» – утверждал Юнг с самого начала, обращаясь к понятию «русского ‘сейчас’», как «слова, характеризующего русский темп». Обломовщину, против которой постоянно выступал Ленин, похоже, нельзя смести одним махом. «Буржуазный образ мышления сохраняется там, где он господствовал, и в некоторой степени он свойствен всем нам; в этом отношении революция практически ничего не изменила у нынешнего поколения». Однако «стремительный темп... без остатка сметает буржуа», чья «способность к сопротивлению полностью сломлена»; а «социалистическая государственная машина ...с изумительной точностью» отсеивает «добросовестных от недобросовестных, рабочих от туеядцев, новых людей от старых».

«Темп» встраивается в один семантический ряд с понятиями «точность» и «машина». Здесь же упоминаются «колонны рабочих», выступление которых 1 мая (день прибытия Юнга в Александровск под Мурманском) Юнг описывает так:

«Оснащенные по-военному», они двигаются к месту работы с улыбающимися лицами, а позднее, на расчистке снега, они с шутками подгоняют друг друга. Таково было наше первое впечатление от России. И дальше: лишь один человек работает на себя, расчищая снег перед дверью своего дома; то был поп.

Этот «темп внутренней жизни» обуславливает коллективные рабочие процессы, которым противопоставляется одинокий труд попа, и определяет динамику организации всей работы:

В ситуации, когда немецкий управляющий или американский менеджер в отчаянии рвали бы на себе волосы, русский коммунист остается совершенно спокойным.

Юнг, который после окончания университета постоянно занимался экономикой и хорошо разбирался как в экономической журналистике, так и в тайнах биржевого дела, прекрасно понимал важность экономической составляющей «темпа», управляющего экономическими процессами. Юнг приходил в восторг от темпа производства: «крайне малое число руководителей, представителей государственной власти... определяют рамки, границы, в которых должно развиваться производство». И именно потому, что «много, очень много работы» еще «растрачивается попусту», так важно все подчинить скорости функционирования государственной и управленческой машины.

Комиссаров отзывают, партийных функционеров снимают с их постов; некий немец, которого немецкий Совет рекомендовал для работы по контролю за национализированными пароходами, уже через две недели арестован за махинации с паспортами. Одновременно арестовывают шпионов всевозможных национальностей, за ними следят, высылают за границу. Попадают арестованные англичане, датчане, даже марокканцы. Буквально ощущаешь, как дышит город. Таков месяц в Советской России. Вслед за этим в ближайшие недели возникнет карельская республика. Темп всего происходящего жителям Западной Европы просто невозможно себе представить.

Символом и одновременно инструментом этого темпа является здание телеграфа с его ежедневными «Окнами РОСТА», которые наряду с плакатами – «вы видите радикально-экспрессионистские плакаты, отвергающие всякую предметность» – имели важнейшее значение для неграмотной части российского населения. Именно «Окна РОСТА», которые в «Западной Европе ознакомили бы собой некое новое искусство», стали важной выразительной формой раннего советского авангарда. Известны «Окна РОСТА» Маяковского. Вместе с «газетой для неграмотных, которая соединяет в себе просто букварь с «букварем коммунизма», и плакатами они представляют самое прогрессивное средство воздействия – «железный молот», как его воинственно-механистически именуют в России, «который ежедневно со свистом обрушивается на широкие массы русского народа». И Юнг, словно желая определить собственный темп в деле революции, заканчивает раздел о «железном молоте» четкой формулировкой своих левокоммунистических воззрений:

Борьба против буржуазии является борьбой против буржуазного духа, притом и внутри нас самих: и чувство единения и коллективный

труд станут возможными лишь тогда, когда родится и закалится в суровой борьбе сознание единения, коллективное мышление.

Такое понятие темпа можно трактовать как признак «революционного нетерпения» леворадикализма с присущей ему наступательной стратегией. Действительно, Юнг рассуждает и о «темпе пролетарской революции в Германии», с которым не справляются «вожди» немецкого пролетариата: «Они плетутся в хвосте». Их он подвергает уничтожающей критике. В связи с этим про Россию он пишет:

Следует перенять принцип иезуитов: лучше заблуждаться, чем быть правым. Человечность, стремление вникнуть в проблемы, тяжесть ответственности, самодисциплина, открыто демонстрирующаяся в пропагандистских целях, – вот что поддерживает веру в вождей и составляет суть вождизма в России. И к тому же их «непогрешимость». Каждый понимает, что они мало что знают. Но они учатся, они как раз приступают к изучению этой проблемы – и весь народ, так сказать, старается им помочь, чтобы не получилось какой-нибудь глупости... И никого не волнует, что любой лозунг, может быть, еще раз двадцать будет перевернут с ног на голову, потому что достигнуто единение, коллективное сознание.

Постоянно говоря о единении, Юнг проводит сравнение с немецкой ситуацией: «Как же все по-другому в Германии!» Он с уважением относится к вождям довоенной социал-демократии, признавая их организаторские способности. Тот факт, что эти вожди остались на своих старых постах, хотя цели за это время принципиально изменились, образует, по Юнгу, одну часть немецкой проблемы вождизма. «Вожди другого сорта», которых Юнг в левоммунистической манере берет на мушку, лишь отчасти «вышли из масс в ходе революции»:

Они были лишь попутчиками революции, старательными и рьяными учениками русских. Психологически это задача всезнайки, училки. Она свойственна немцам. Они косятся на Москву, не уверенные, что скажет мастер. Они зубрят, Но нередко выходит ерунда.

Проблема вождей неразрывно связана со старой проблемой интеллектуалов, с поиском ими – художниками и писателями – своего места в обществе и определением ими своего отношения к рабочему движению и пролетариату. «Поэт идет в политику», «художники стоят баррикады» – провозгласил Людвиг Рубинер еще до мировой войны и тем самым призвал свое поколение к политизации, активности на художественно-политическом поприще. Представители крыла «активистов» в экспрессионистском движении и основанные ими после Ноябрьской революции «Советы рабочих умственного труда» стремились активно участвовать в формировании новой ре-

спублики. Леворадикальные интеллектуалы и художники пытались наладить связи с революционным пролетариатом и его организациями, наглядным свидетельством чего стали контакты между представителями эстетического и политического авангарда. То, что эти контакты могли переходить в конфликты, свидетельствуют дискуссии о роли и месте интеллектуалов еще во времена Второго Интернационала. Дело доходило до перебранок, как видно на примере упомянутых нападок Пфемферта и Шрёдера на Юнга на съезде КРПГ. Юнг отвечал в свойственной ему манере: «Молот социальной революции... ударит и по немецкому интеллектуалу», и «не слишком-то много от него оставит».

Есть, однако, еще выход, пока тебя не поставили к стенке. Брось все и уйди отовсюду. Поезжай на Шпицберген, в угольные копи, там нужны необученные рабочие... Там ты узнаешь людей. Там ты станешь народом вместе с народом. Или поезжай в сибирские степи... Если у тебя есть еще силы, и ты выдержишь, то сможешь принести пользу, в том числе и для социализма. Рассказывайте о Европе, работайте на строительстве домов, улиц, железных дорог. Работайте на лесоповале в Карелии, там везде есть еще возможность перестроиться. Теперь уже не в гуще социальной революции. Оттуда нас всех скоро вышвырнут.

Все это, несмотря на явные преувеличения, вполне серьезные предложения, и они вновь отражают утопическую концепцию коллективной жизни без антагонизмов. В этом контексте призывы Юнга можно трактовать как жесткий ответ на актуальную проблему интеллектуалов и вождей в рабочем движении и – конкретно – в революционных организациях.

Хотя Юнг в Москве лично встречался с высшим советским руководством – организовать подобные визиты в те годы было еще достаточно просто, особенно западноевропейцу и левому интеллектуалу, – он не называл ни одного из советских вождей по имени, не пересказывал анекдотов из их жизни, не рассказывал ничего такого, что обычно составляло основу сообщений из России того времени и что читатели, по причине явного дефицита информации, ожидали и вправе были ожидать. Он изящно, ни словом не упоминая российское руководство, затрагивал проблему вождизма, объясняя ее в социологическом и актуально-политическом ключе. Так, тексты Юнга вновь демонстрировали тесное переплетение отчета о поездке по России с анализом ситуации в Германии. Дабы убедиться, что к 1920 году германское революционное движение еще не встало на путь автоматического подчинения большевистской политике и Коминтерну, нужно дальше проследить за проводимым Юнгом российско-германским сравнением. То, что он считал немецкого рабочего «слишком добродушным... для того,

чтобы привлечь своих вождей к ответственности за поражения» представляется несколько примитивным. Но далее он писал:

Немецкий вождь – это не русский вождь... Уговаривание масс, ожидание, пока другие что-нибудь сделают, заносчивое всезнайство – вот то, что отличает немецкого вождя и чего нет в России. Здесь тоже очень много говорят, на митингах даже актерствуют, но всегда – перед людьми, которые охвачены воодушевлением сильнее, чем самые пылкие зрители. На собраниях все молчат, и только ближе к концу зал взрывается овациями, заглушаемыми «Интернационалом», припев которого даже на самых мелких пригородных митингах играют после каждой речи, лишь бы имелись музыканты, Доверие народа – вот чего добились российские вожди, а тем самым и все их сторонники. Авторитет – это одновременно вера в пролетарское движение, а веры нельзя добиться принуждением. Необходим поиск, без которого и «Союз Спартака» не спасет никакая диалектика. Делайте дело!

Возникает искушение провести параллель между выдвинутым в «Путешествии по России» понятием «темпа» и соответствующими положениями художественного авангарда. То, что Юнг был знаком с авангардом в России, доказывает его упоминание «Окон РОСТА». В более поздних произведениях о России – «Новый человек в новой России» и «Духовная Россия сегодня», написанных в 1924 г., – Юнг будет подробно говорить о развитии авангардистской литературы. Именно футуристы, с момента основания этого направления Маринетти в Италии, постоянно превозносили скорость и темп и воспевали «красоту скорости», как это формулировалось в «Первом футуристическом манифесте» 1909 г. Юнг прекрасно знал эту программу. Однако то, что у итальянца сводилось к «модернизирующему толчку», который фиксируется в культуре скорости автомобиля, самолета и темпа, и что достигло апогея в футуристическом воспевании Первой мировой войны, этой «стальной грозы», – у Юнга всегда оборачивалось социальными проблемами, получающими психологическое обоснование.

Свое понимание темпа Юнг несколько позже изложил в работе «Техника счастья», вторая часть которой имеет подзаголовок «Больше темпа! Больше счастья! Больше власти!». «Наша задача – быть быстрее, это значит – быть интенсивнее», – говорил он в сочинении, написанном после поездки в Россию и имеющим подзаголовок «Карманная книга для каждого»²⁴. «Больше темпа! Мужества жить!» – предлагал Юнг:

Давайте проживать себя. Давайте жить друг с другом и друг для друга. И тогда, если нет одной ноги, а есть горб, мы порадуемся другой

²⁴ Jung F. Mehr Tempo! Mehr Glück! Mehr Macht! Ein Taschenbuch für Jedermann. Berlin, 1923; Jung F. Werke. Bd. 6. S. 99, 106, 87.

ноге. Жизнь не потеряла своей привлекательности. Но мы устранили препятствие для развития интенсивности, если не смогли этого сделать раньше. Ты будешь счастливее, чем с обеими ногами, если потащишь на себе груз препятствий и конфликтов. Размах интенсивности увеличится, а значит – и твое счастье.

Аналогичным образом Юнг считал «достоинством писателя его принадлежность к темпоускоренному, психотехническому направлению». Эти положения восходят к учению Отто Гросса; но важно, что для Юнга категория «темп» намного шире и сложнее, чем просто скорость. Он трактует теории эстетического авангарда в общественно-революционном ключе, ставит их на службу революционной идее преобразования мира, которая исходит теперь не из искусства, а из материального общественного базиса, не теряя своих корней в художественном авангарде. Следуя лозунгу «класс против класса», который в 1926 г. в одной советской рецензии был назван «художественной формулой Юнга», он мечтал воплотить в жизнь идею соединения *hic et nunc*²⁵. Одна из центральных тем его романов, что это – дело всех, даже пока еще колеблющихся и непримкнувших. «Нам не нужен пролетарский ‘Гинденбург’», – гласила дерзкая формулировка в «Путешествии по России», с которой он выступил против стандартизированного «образа врага»:

[Мы] не хотим «победы» немецкого оружия, скажем, над солдатами Антанты, которых бросили бы, скажем, против германской революции ради интересов собственных белых. Мы хотим привлечь этих солдат на свою сторону, стать их товарищами, мы хотим совместными усилиями, в союзе с российским пролетариатом, в союзе с пролетариатом всех стран, распространять идею коммунизма, пролетарского государства²⁶.

Так писал Юнг в «Путешествии по России», а поскольку он в своем рассказе о Советской России все время возвращался к немецким реалиям, его книгу можно бы назвать и путешествием по Германии.

*В русской эмиграции.
Голод на Волге*

В сентябре 1920 года Юнг был арестован и до февраля следующего находился в предварительном заключении в Куксхафене, Гамбурге и Фюльсбюттеле. Его освободили под крупный залог, внесенный советским правительством, с условием, что он явится на

²⁵ Здесь и сейчас (*лат.*) – (*Прим. перев.*)

²⁶ *Jung F. Reise in Rußland, S. 57.*

слушание дела. В качестве посланца от КРПГ Юнг в марте 1921 года участвовал в Центральной Германии в вооруженном стачечном движении и в подготовке восстания. Для участия в конференции левых рабочих партий в Брайтоне Франц и Клэр Юнг с фальшивыми документами отправились в мае в Голландию, где их арестовали. После того, как запрос германского правительства о выдаче Юнга был отклонен, он, пробыв почти три месяца в предварительном заключении, получил разрешение на выезд в Советскую Россию.

Важную роль, очевидно, сыграло то, что Юнг, по его собственным словам, «в июне 1920 г. стал российским подданным»²⁷. 28 августа следующего года, после того, как Клэр Юнг была выслана в Германию, он на датском корабле уезжает в Петроград. Так началось его второе путешествие в Россию. Оно существенно отличалось от первого. Став вынужденным последствием ареста, оно из «путешествия», превратилось одновременно в изгнание и убежище, без четко поставленных задач. В конечном итоге, пребывание в России продлилось более двух лет.

Идейные воззрения Юнга того времени изложены в его «Открытом письме», которое он направил тотчас по своем прибытии в Москву внеочередному партийному съезду КРПГ, проходившему с 11 по 14 сентября 1921 г. Он подчеркивал, что пишет «по поручению ряда товарищей, которые частично являются членами КРПГ, частично симпатизируют нашей партии как члены иностранной секции РКП». Юнг, насколько можно судить, не допускает тактических колебаний, сожалеет о поражении КРПГ на конгрессе Коминтерна в прошлом году, считает требуемое объединение с КПГ «неприемлемым», но «тем не менее не перестает видеть в Коминтерне сборный пункт революционеров, то- есть борцов за коммунистическую мировую революцию» и при этом предлагает объединение «левого меньшинства» в Коминтерне²⁸.

Тот факт, что партия не прислушалась к его предложениям, стал толчком к окончательному разрыву Юнга с КРПГ, однако за этим не последовало его сближение с КПГ или повторное вступление в ее ряды, хотя ее центральный орган, газета «Die Rote Fahne», печатала тексты Юнга, а в серии статей на тему «Что должен читать пролетарий?» назвала его в числе немногих рекомендованных писателей. В анкете Коминтерна Франц Юнг считал 1918 год датой своего вступления в «Союз Спартака», 1920/21 – годами членства в КРПГ, а 1921 год – временем своего вступления в Коминтерн. Одновременно он называл себя членом Российской Ком-

²⁷ Письмо к Клэр Юнг 8 июня [1920 г.] // *Jung F. Werke*. Bd. 11. S. 69.

²⁸ «Werte Genossen» // *Ibid.* S. 94, 97.

мунистической партии, хотя, по его словам, «еще не получил нового партбилета»²⁹.

В письме, написанном 14 сентября 1921 года Карлу Радеку (в отель «Люкс»), Юнг предлагал свое участие в деятельности революционного крыла профсоюзного движения и готовность «работать на литературном поприще или как журналист»³⁰. То было нечто вроде призыва о помощи. Но, очевидно, Юнга достаточно хорошо знали в Москве и считали – несмотря на его «левокоммунистический уклон», против которого только что решительно выступил Ленин в работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», – в достаточной степени заслуживающим доверия. Таким образом, если первый приезд в Россию целенаправленно привел его к Коминтерну, то теперь скорее «случайный практический опыт»³¹ направлял его на фабрики и заводы.

В своей автобиографии Юнг спустя четыре десятилетия описывает это так:

Передо мной стояла задача найти свое место в России, влиться в русский народ и в процесс формирования общества рабочих, крестьян и солдат; но не в смысле лозунгов и пропагандистских кадров (а ничем другим я партию никогда и не считал). Неопределенное существование мое как сына часовщика, как торгового журналиста, писателя и благородного анархиста, представителя богемы и дадаиста преобразовывалось в реальность русского гражданина, русского товарища, живущего деятельно и полезно³².

Поначалу Юнгу нашли работу в самом Коминтерне: уже 19 сентября 1921 г. секретариат ИККИ принял решение, что Юнг должен «написать брошюру о голоде для опубликования за границей», и выдал ему соответствующий мандат³³. Юнг объезжает с ним места бедствия на Волге и рассказывает об этом в своей второй книге о России «Голод на Волге», которая вышла в 1922 г. в Германии и – в переводе на русский язык – в России. Политическое назначение этого документального произведения он обрисовал в заключительной главе, названной им «вместо предисловия»:

Это сочинение несколько не тенденциозно. Его цель не в том, чтобы вести пропаганду, оно даже не призывает к сбору помощи для России. Его задача – установить контакт с отдельно взятым читателем в Западной Европе, с пролетарием, и показать ему, как далеко зашло разложение капитализма, в том числе в экономике, какая судьба ожида-

²⁹ Личное дело Юнга. Анкета Коминтерна, с. 1 и 3.

³⁰ Письмо Карлу Радеку, 14 сентября 1921 г. // *Jung F. Werke*. Bd. 11, S. 99.

³¹ *Jung F. Die Geschichte einer Fabrik. (Selbstanzeige)* // *Arbeiterliteratur* 1 (1924). Н. 3/4. S. 166.

³² *Jung F. Torpedokäfer*, S. 216.

³³ Личное дело Юнга.

Франц и Клэр Юнг в Москве. 1921

ет отдельного человека в его собственной стране. При этом вопрос о том, должен ли отдельный человек безучастно ждать, пока подобная катастрофа не разразится над ним, остается открытым³⁴.

Летом 1921 г. Вилли Мюнценберг основал Международную организацию рабочей помощи (Межрабпом). Уже в ноябре вернувшийся с Волги Юнг получил мандат «генерального представителя» «Иностранного комитета по организации рабочей помощи голодающим в России», которому

даются поручение и полномочия, от его имени вести переговоры и заключать договоры и соглашения со всеми российскими инстанциями и представителями правительства, а также с Всероссийской комиссией помощи голодающим³⁵.

Кроме того, 2 декабря 1921 г. Отдел пропаганды Коминтерна выдал ему генеральный мандат на посещение всех общественных и культурных «учреждений» и на получение «необходимой информации»³⁶. Это явно свидетельствовало о доверии, которым пользовался Юнг в руководстве ИККИ. В 1922 г. Юнг полностью посвятил себя работе в МежрабпOME и разработал, по словам Мюнцен-

³⁴ *Jung F. Hunger an der Wolga // Werke. Bd. 5. S. 149.*

³⁵ Личное дело Юнга. № 2.

³⁶ Там же. № 3–4.

берга, «немыслимо фантастические планы», как, например, основание Уральского акционерного общества, которое должно было получить 400 тракторов для использования на сельскохозяйственных работах; – планы, которые, якобы, были показаны даже Ленину. Вопросы бухгалтерского контроля привели, однако, к разрыву между Юнгом и Мюнценбергом, которому, по его собственным словам, Юнг «угрожал револьвером», когда он в Москве собирался ознакомиться с соответствующей документацией. После этого Коминтерн, по словам одного свидетеля, «чтобы не компрометировать Межрабпом... прикрыл все ошибки Юнга»³⁷. Несмотря на этот конфликт, он продолжал свою публицистическую деятельность в качестве сотрудника «Ежемесячника пролетарской экономической помощи Советской России» – «Der Rote Aufbau».

В середине 1922 года Юнг приступил к работе по восстановлению спичечной фабрики в Чудове под Новгородом. Тем самым для него началась та «История одной фабрики», которой он посвятил свою книгу, опубликованную в 1924 г. по-немецки, а в 1925 г. по-русски. Следует особо отметить, что еще в 1911 г. Юнг написал диссертацию по политэкономии на тему «Техническое народнохозяйственное развитие спичечной промышленности» (хотя процесс защиты и не был доведен до конца).

История одной фабрики – и ее руководителя

То, что пишет Юнг о новой культуре в России в целом, в значительной степени относится и к его собственной «Истории одной фабрики»: «Больше никакой пропаганды, никаких пламенных призывов, больше никакой сентиментальности, никакого подчеркивания жертвенности и героизма»³⁸. Его глубоко оптимистичные надежды на силу русских рабочих и на их постоянно подчеркиваемую способность к «взаимопомощи» и «самопомощи», звучат уже более сдержанно. Юнг неизбежно сталкивается с экономическими и социальными проблемами на самой фабрике и за ее пределами, с бюрократической и партийной иерархией, с социальным положением рабочих и работниц (полукрестьянок и полупролетарок) с гендерными трениями и с чисто техническими проблемами со станками. В «Истории одной фабрики» он очень точно описал конкретные препятствия, вставшие на пути организованного производства: недееспособность рабочих, их незаинтересованность, отсутствие дисциплины, саботаж, даже открытая «враждебность» рабочих и работниц:

³⁷ Münzenberg W. Die dritte Säule der kommunistischen Politik. I.A.H. // Internationale Arbeiterhilfe. Berlin, 1924. S. 17–18.

³⁸ Jung F. Der neue Mensch im neuen Rußland (1924) // Werke. Bd. 5. S. 170.

Обложка русского издания романа Юнга «Новый человек в новой России» (1924)

Были девушки, работавшие на станках, которые бродили по фабричному залу взад и вперед и просто оставляли станки работать. Станки и так работают, даже без нас, – говорили они. Материал при этом был испорчен³⁹.

Только утомительная воспитательная работа и вместе с тем растущая поддержка со стороны «опытных квалифицированных рабочих, так сказать, кадровых рабочих», которые в конечном счете «встали на нашу сторону и сами поддержали внедрение рабочей дисциплины и даже в некотором роде взяли инициативу в свои руки», позволили постепенно развить успехи в производстве. Многообещающее звучит резюме: «Жизнь рабочих в Чудове коренным образом переменилась».

Перемены входят в жизнь через производство, через по-новому организованную работу, причем Юнг разрабатывает собственное понимание трудового процесса. Хотя он и наращивает использование станков – при полном осознании того, что человек может превратиться в придаток машины, – однако он надеется, что дисциплинирующее воздействие машин на человеческий труд, а вместе с тем и на мысли и чувства рабочих, позволит не просто стаби-

³⁹ Далее следуют цитаты, приведенные по книге: *Jung F. Die Geschichte einer Fabrik* // *Op. cit.*, S. 271–286.

лизировать и повысить производительность: следует добиться не использования машин, а *завоевания машин* – именно так назван последний крупный роман Юнга, написанный в революционную эпоху⁴⁰. Слепой тейлоризации труда он не сочувствовал.

В «Приложении» к «Истории одной фабрики» под заголовком «Что говорят рабочие» Юнг приводил слова одного металлурга и механика, а вместе с тем и «опытного члена партии», занимавшего «высокий партийный пост», который хорошо знал ситуацию в Чудове. Он не только объяснил Юнгу, что тот «совершил ошибку, жертвой которой до сих пор становились все иностранцы. Вы хотели сделать все сразу». Еще большее значение имели его слова о проблеме работы: необходимо «организовывать последовательное воспитание трудящихся в соответствии с уровнем их развития и сделать это основой всего трудового процесса – над всем этим нам еще предстоит работать». Такими словами «говорит душа русского рабочего, поэтому они звучат так убедительно и обобщающе», – этим Юнг завершил свою «Историю одной фабрики»⁴¹.

Новая книга Юнга была с одобрением встречена советской критикой. Например, в рецензии 1926 года о ней было сказано:

Эта строгая, документально точная и, вместе с тем, увлекательная книга раскрывает нам творческую сущность Юнга. О чем бы ни писал этот художник, будь то революционная борьба немецкого пролетариата или борьба советских рабочих на хозяйственном фронте, – он всегда остается не только изобразителем, но и организатором. Он до крайних пределов обостряет организующую роль своего искусства, ставит перед собой насущные задачи, учитывает опыт, констатирует ошибки, намечает перспективу дальнейшего продвижения вперед.

После «Путешествия по России» «История одной фабрики» являлась, безусловно, самой новаторской из всех книг Юнга о России.

Летом 1923 г. Юнга назначили администратором петроградского завода «Рессора» – того самого завода, рабочие которого столь дружески прощались с ним. Очевидно, возник серьезный конфликт с местным руководством, который привел к внезапному завершению его работы и вообще его пребывания в России.

Точные обстоятельства не известны, даже в автобиографии Юнга они описаны недостаточно ясно. По его собственным словам, он «сообщил Совету, отдельным организациям и ряду лиц, с которыми был связан партийной иерархией, о своем решении вернуться в Германию»⁴².

⁴⁰ Jung F. Die Eroberung der Maschinen (1921) // Werke. Bd. 4.

⁴¹ Ibid. Bd. 5. S. 293–294.

Такими словами заканчивается книга Юнга о его втором путешествии по России⁴³. Так же заканчивается и вторая часть его автобиографии, названная им «Красные годы». Начинаются «серые годы», когда он, вплоть до амнистии 1928 г., живет под чужим именем недалеко от Берлина, продолжая находиться в розыске за «соучастие в мятеже».

Россия, Родина людей

Можно символически трактовать внешние обстоятельства путешествия Юнга по России: тайком проникнув на рыболовецкий пароход, он захватывает его, чтобы впервые приехать в Россию – и вновь тайком, спрятавшись в нише для якорной цепи, завершает он свое второе путешествие в Россию. Можно рассуждать о том, почему его цели – вначале точно очерченные политические задачи левого коммуниста, затем всеобъемлющая установка «жить как русский товарищ, деятельно и полезно» – не были осуществлены. Ответы на эти вопросы несложно найти, проанализировав советско-германские отношения этого времени, может быть, причины лежат и в утопичности намерений, характеризующей деятельность Франца Юнга. Более важным представляется еще раз показать, каким образом сам Юнг воспринимал этот период своей жизни.

Если верить воспоминаниям Юнга, день его прибытия в Мурманск 1 мая 1920 г. стал ярким моментом его жизни, о котором семидесятилетний автор снова вспоминал в своей автобиографии:

Мы – Апель, Кнюфген [матрос, помогавший в захвате корабля] и я – провели вечер 1 мая в русском клубе... моряки и портовые рабочие, крестьяне, лесорубы и люди с улицы, толпа, состоящая из нескольких сотен человек, теснилась в длинном сарае; русские люди...

Не было никого, кто мог бы с нами поговорить; никто из нас не знал ни одного русского слова. Воздух в сарае был тяжелый. Пар от дыхания поднимался над толпой, колебался серым облаком. Освещение было настолько слабым, что можно было разглядеть только ближайшего соседа.

И тогда эта масса людей запела. Они пели Интернационал, песню о красном знамени и еще много других песен. В промежутках отдельные комиссары выступали с короткими речами и переходили к следующей песне. Это продолжалось несколько часов.

Это стало великим событием моей жизни. Это было то, что я искал и к чему шел с самого детства: Дом, земля для людей. Всегда, когда я в последующие годы встречался с человеческой подлостью, немислимой злобой, неверностью, предательством в характере людей,

⁴² Гаген. Указ. соч. С. 3.

⁴³ Jung F. Torpedokäfer, S. 267–268, 273.

в том числе и русских людей, мне достаточно было вызвать в памяти то 1 мая в Мурманске, чтобы восстановить внутреннее равновесие⁴⁴.

Никакие другие слова в автобиографии Юнга, известной своей беспощадностью и радикальностью, не передают столь искренне и одновременно патетически проникновенные воспоминания о счастливом моменте его жизни. И именно потому, что Юнг столь интенсивно и разносторонне связал с Советской Россией свою судьбу, которая сложилась при этом так нелегко, нельзя недооценивать подобный жизненный опыт.

⁴⁴ Ibid. S. 155–156.

Михаэль Рорвассер

Спасительная Россия

Пробуждение юного Йоханнеса Р. Бехера

Йоханнес Роберт Бехер с раннего возраста обладал даром «казаться», производить впечатление на окружающих. Сам автор и его творчество скрывались за самодельными фасадами. Памятник, воздвигнутый ему в ГДР и имеющий большое сходство с собственным проектом Бехера, тоже только фасад, за которым скрываются некоторые особенности его синтеза «духа и власти».

О биографии юного Бехера

Отец Бехера, Генрих, был чиновником юстиции. Благодаря своему честолюбию и энергичности, он дослужился до чина председателя земельного суда, высшей судебной должности в Мюнхене, а сына воспитывал безжалостно строго. «Семья была материально очень хорошо обеспечена, – вспоминал Бехер в биографическом наброске 1939 года, – но все мое детство и юность не прекращались жуткие ссоры с родителями»¹. А о своем школьном времени он написал:

Сам я был одним из тех, кому нравилось мучить и причинять боль социально или физически более слабым. Одно время я увлекался спортом, чтобы подавить в себе религиозные и иные сомнения. Я участвовал в соревнованиях по плаванию и не безуспешно. Во время учебы в гимназии я годами занимался тем, что перекрывал рекорды. Оценки мои всегда были плохи и однажды я остался на второй год².

Бехер решил стать офицером. На пасху 1910 года он должен был поступить юнкером в королевский баварский пехотный полк № 1. Но незадолго до окончания школы случилось ужасное происшествие: Бехер застрелил из пистолета свою подругу, Фанни Фусс, которая была на восемь лет старше него, и пытался застрелиться

¹ *Becher J. R.* Autobiographie (12. 04. 1939), unveröffentl. Ms., S. 1 (Original im Exil-Archiv der Deutschen Bibliothek, Frankfurt a.M.).

² Ср. письмо Бехера Демелю (Dehmel) от 25.11.1910 // *Becher J. R.* Briefe 1909–1958 (далее – Briefe). Hrsg. von Rolf Harder u. a. Berlin und Weimar, S.10.